Библиотека кинодраматурга

М. Блейман, К. Исаев,
М. Маклярский

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Киносценарий

Госкиноиздат – 1948

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

М. БЛЕЙМАН, К. ИСАЕВ,
М. МАКЛЯРСКИЙ

ПОДВИГ РАЗВЕДЧИКА

Сценарий

ГОСКИНОИЗДАТ
МОСКВА 1948

Редактор Л. Эйсымонт
Техн. редактор Г. Усачев
*
А02247. Подписано к печати 19/III 1948 г. Печатных листов 4 1/8. Уч.-издат. листов 4,3. Знаков в 1 печ. листе 53280. Тираж 10000 экз. Бумага 61X86 1/32.
Изд. № 2585.
*
Типография „Красный печатник". Москва, ул. 25 Октября, 5.
Зак. № 1957.
*
Цена 3 руб.

Сценарий о советском разведчике

Сценарист обязан уметь развивать единую тему сценария так, чтобы отдельные грани и стороны этой темы раскрылись с возможной полнотой, яркостью, точностью. Он обязан уметь построить ситуацию или эпизод так, чтобы характеры действующих лиц могли раскрыться в этой ситуации, как характеры живых, мыслящих, чувствующих людей. Это — признаки настоящего профессионализма в работе кинодраматурга.

Но есть профессионализм ложный. Он предполагает знание каких-то особых приемов, с помощью которых сценарист может заинтриговать зрителя, внося их в композицию сценария или пьесы независимо от темы, характеров, идеи произведения. С точки зрения этого ложного профессионализма сценарий «Подвиг разведчика» написан абсолютно «непрофессионально».

Советский разведчик Федотов посылается в глубокий немецкий тыл, в «волчье логово», в зону, где расположился штаб немецкого главно-

командования, с целью найти и доставить Советской Армии очень важные документы. Федотов, сброшенный на парашюте где-то над Германией, прибывает в маленький немецкий городок, где находится штаб, выдает себя за богатого коммерсанта, получает чин капитана административно-хозяйственной службы немецкой армии и, когда штаб переводится в оккупированную зону Украины, переезжает в район Винницы.

Все эти события расположены в сценарии хронологически, вся цепь причин и следствий открывается зрителю в той прямой последовательности, в какой они происходили бы в реальной жизни.

Федотов получает задание, отправляется в Германию, налаживает связи, перебирается в Винницу, узнает о том, что туда же прибыл генерал Кюн, доклады которого Гитлеру Федотов должен доставить командованию Советской Армии.

События не прерываются, не обрываются, не возвращаются вспять. В экспозиции и в каждом отдельном эпизоде сценаристы накапливают движущие мотивы, которые определяют, обусловливают дальнейшее развитие действия. Для этого развития нет необходимости ни в особых сюжетных мотивах, ни в каких-то дополнительных обстоятельствах, до поры до времени искусно скрываемых от зрителя или читателя.

В пьесе Георгия Мдивани «Молодой человек» поведение главного героя, начальника железнодорожной станции одного из оккупированных немцами крупных городов Белоруссии, вначале кажется загадочным и непонятным. Он сам приходит к немцам, занявшим город, и предлагает им свои услуги. Его допрашивают с пристрастием. Немецкое командование убеждается, что

он искренне хочет служить «новому порядку». Зритель убежден, что начальник станции — прохвост и изменник Родины. Затем выясняется, что он честный человек и предложил немцам свои услуги для того, чтобы помогать партизанам и развернуть на станции диверсионную работу против захватчиков. Уже само по себе положение человека, всей душой преданного Советской Родине и посланного на работу, успешность которой требует, чтобы он завоевал полное и безусловное доверие немцев,— чрезвычайно драматично. Но автор пьесы решил дополнительно обострить ситуацию, скрыв от зрителя подлинные цели героя и заставив зрителя обманываться в первых картинах пьесы относительно его намерений.

В сценарии «Подвиг разведчика» можно было бы переставить несколько эпизодов и начать действие прямо с того момента, когда немецкий офицер Гейнрих Эккерт появляется в Виннице и начинает свою коммерческую деятельность совместно с Вилли Поммером, и лишь потом продемонстрировать зрителю внезапное «превращение» немецкого офицера в советского разведчика. Можно было бы вначале скрыть историю предателя Бережного и заставить зрителя вместе с Федотовым решать задачу: кто из трех людей, оставшихся на свободе после провала подпольной организации, — предатель и провокатор. Можно было бы навести зрителя на ложный след, заставить его предварительно поверить Бережному и лишь потом убедиться, что он, именно он, а не Астахов и не Лешук,— подослан гестапо. Наконец, можно было бы совместить оба эти варианта. Если «утаить» поначалу от зрителя, что Эккерт — советский разведчик Фе-

дотов, а Бережной — провокатор, то смысл эпизода казни Эккертом Бережного казался бы совсем иным, прямо противоположным подлинному смыслу этого эпизода в сценарии.

Если бы Федотов сразу же в начале фильма появился в форме немецкого офицера, успешно совмещающего службу в немецкой армии с крупными коммерческими аферами, которые должны обогатить его и Поммеров, если бы зритель только к середине фильма узнал, кем в действительности является этот человек,— общая композиция была бы гораздо более эффектной: целый ряд поступков Федотова-Эккерта был бы в этом случае не вполне понятен, вся его фигура была бы окружена какой-то тайной; зритель должен был бы беспрерывно задавать себе вопросы и строить догадки, почему офицер фашистской армии за собственный страх и риск допрашивает Лещука, почему он так усиленно допытывается, кто из трех оставшихся на свободе подпольных работников — предатель, почему он наводит гестапо на ложный след и устраивает так, что Руммельсбург арестовывает Медведева — человека, который мог бы быть в высшей степени ему полезен. Все эти «почему» заставляли бы зрителя теряться в догадках, пока авторы тщательно скрывали от него настоящее лицо Эккерта-Федотова. Затем эффектная неожиданность раскрыла бы «тайну» Эккерта.

Уверен, что многие сценаристы избрали бы этот, наиболее эффектный тип построения сценария, не удержались бы от соблазна сохранить некоторые обстоятельства в тайне от зрителя и раскрыть эту тайну лишь в последних эпизодах.

Есть несколько способов построения сюжета, в центре которого находится тайна-загадка, которую необходимо решить героям. Можно строить сюжет так, что в решении загадки зритель или читатель движется вслед за героем, по следам героя. Читатель и герой поставлены здесь в равные условия — оба они в экспозиции ничего не знают и узнают, разгадывают тайну только в процессе развития сюжета. Есть другой способ, при котором героям известно многое, что неизвестно поначалу читателю или зрителю. Лишь впоследствии некоторые загадочные черты в отношениях между героями объясняются зрителю либо непосредственно автором, либо в воспоминаниях самих героев. Есть третий, наиболее трудный способ построения, требующий наибольшего мастерства: зрителю известны все обстоятельства той сложной борьбы, которая происходит между героями, последним же они далеко не все известны и раскрываются перед ними только по мере движения сюжета.

У авторов сценария «Подвиг разведчика» нет никаких тайн от зрителя, они ничего не скрывают. Тайны и загадки существуют только для героев. Только для Федотова является тайной, кто именно из подпольных работников предатель, кого ему следует остерегаться в поисках связи с партизанами, которые должны помочь советскому разведчику выполнить исключительно ответственное задание. Только для Федотова является тайной, какие меры принимает против него Руммельсбург, и только для Руммельсбурга загадкой и тайной является поведение Федотова.

Зрителю все обстоятельства ясны, для него нет неожиданностей, он осведомлен авторами и о цели, и о планах, и о намерениях каждого из действующих лиц.

II

Работая над сценарием для исторического или биографического фильма, сценарист не обязан ставить перед собой задачу добиться «занимательности» сюжета. Она может возникнуть как непреднамеренный результат напряженности центрального конфликта, яркости борющихся характеров и т. д.

В сценариях того жанра, к которому принадлежит «Подвиг разведчика», занимательность сюжета обязательна, и если сценарий не отвечает этому требованию, он вообще не заслуживает внимания зрителя.

Однако «занимательность» обычно предполагает наличие неожиданных сюжетных ходов, внезапных поворотов действия, мелодраматических эффектов.

Авторы сценария «Подвиг разведчика» решительно отказались от традиционных приемов «занимательности», от мелодрамы, вообще от какой бы то ни было претензии на эффектность, пренебрегли способами построения, которые неизменно заставляют зрителя напрягать свое внимание, теряться в догадках и пытаться разгадать «тайну» поступков отдельных действующих лиц.

Сценаристы пренебрегли не только этим. Они решительно отвергли всякого рода побочные эффекты, которые как бы сами напрашивались, сами шли в руки. Какие, например, богатые возможности для острой и эффектной ситуации заключены в любой встрече Федотова и Руммельсбурга, не подозревающего о том, что лощеный немецкий офицер, приятель его адъютанта — советский разведчик. Но в сценарии есть только одна очень краткая встреча в офицерском казино, где Федотов поднимает тост «за

нашу победу». В этой сцене нет даже обмена репликами между Федотовым и Руммельсбургом, и все возможности их личного столкновения остаются неиспользованными.

Когда Федотов проверяет Бережного, он устраивает встречу последнего с Медведевым — человеком, специально приставленным Вилли Поммером следить за Федотовым. Бережной, поверив Федотову, что Медведев — руководитель подпольной организации, предает его Руммельсбургу. Эта, в сущности, почти комедийная история — предатель предает другого предателя — также остается неиспользованной. Вероятно, очень немногие сценаристы избежали бы соблазна дать эпизод с комедийным «отыгрышем» всей ситуации; прохвост и провокатор, попавший в руки гестапо по обвинению в том, что он руководитель подпольной организации, и одураченный Федотовым Руммельсбург — эти зловещие персонажи, оказавшиеся благодаря проницательности и остроумию Федотова в дураках, могли стать участниками превосходного комедийного эпизода.

Почти в каждом эпизоде, почти в каждой сюжетной линии найдем мы такие неиспользованные возможности. Впечатление такое, словно авторы заранее договорились, что всякий сюжетный ход, всякая ситуация, даже каждая реплика, могущая вызвать подозрение в искусственности, эффектности, некоторой натянутости, условности, будут ими забракованы. Вот почему сюжет сценария, будучи напряженным, динамичным, волнующим зрителя, в то же время производит впечатление необыкновенной естественности.

Уже первый эпизод кажется почти полемичным по отношению к традиционным началам де-

тективных и приключенческих фильмов. Человек приходит к любимой женщине после нескольких месяцев отсутствия, как приходит боец, уволенный в краткосрочный отпуск. Человек этот — герой сценария, майор Алексей Федотов. Он так о себе и говорит Нине: «Ты видишь, я ухожу и прихожу, как любой фронтовик. Просто ты девушка, которая любит фронтового офицера...» Она прерывает его фразой, которая кажется в этом контексте непонятной: «...который не оставляет номера полевой почты, не пишет писем и даже не прощается, когда уезжает». Загадочность усиливается, когда она остается одна и размышляет про себя: «Я ведь знаю, что тебе хочется все рассказать. Все люди любят рассказывать, и тебе тоже хочется. Всем хочется похвастаться. А ты умный и смелый, ты все время ходишь по краю смерти и делаешь отчаянные вещи, которыми может гордиться всякий человек. Но ты молчишь об этом, потому что должен молчать, молчать, молчать!..»

Но загадка профессии Федотова разъясняется очень скоро, почти в следующем эпизоде. Назначение приведенных выше реплик не в том, чтобы создать романтический ореол таинственности и загадочности вокруг Федотова, а совсем в другом.— они характеризуют тему сценария, тему центрального образа.

Советский разведчик — человек героической профессии, готовый во имя долга перед Родиной итти на смерть. Вся его деятельность — подвиг, незаметный, неоглашаемый подвиг, о котором и он и его руководители должны молчать. Он заслужил ту же славу, которой окружены у нас имена героев Великой Отечественной войны и героев мирного труда. Но о героизме, мужестве и самоотверженности человека, который все время находится на грани смерти и делает «отчаянные вещи, которыми может гордиться всякий человек», никто и никогда не узнает. Это — человек высокой души и высокой морали, беззаветный, самоотверженный, пламенный патриот. Он бескорыстен в самом высоком смысле этого слова, его единственная награда — сознание успешно выполненного долга перед Родиной.

III

Итак, авторы сценария не воспользовались целым рядом возможностей, считающихся как бы обязательными признаками жанра, в котором написан сценарий.

Но можно ли строить характеристику сценария на особенностях, имеющих второстепенное значение и относящихся главным образом к проблемам композиции? Тем более, что характеристику эту мы ограничили перечислением тех ложных эффектов и традиционных приемов, которых авторы сценария счастливо избежали. Подобная характеристика сценария иного жанра была бы неуместной и, во всяком случае, решительно бесполезной. Но в области детективного и приключенческого жанра уменье владеть этими ложными эффектами, этой «рецептурой» приемов считалось до последнего времени признаком профессионализма, хотя в действительности оно свидетельствует лишь о том, что сценарий написан ремесленнически ловко и бойко. Ведь традиция ремесленничества ни в одном жанре художественной литературы или кинодраматургии не была так устойчива

и живуча, как в области «несерьезного» жанра детектива.

Авторы сценария сломали эту традицию во имя ясных и определенных целей.

Образ советского разведчика, тема человека высокой морали и мужества, посланного на самую трудную, самую опасную работу, требующую исключительного душевного и физического напряжения, все время была в центре внимания сценаристов, разрушивших традиционные каноны жанра во имя наиболее яркого и полного раскрытия этой темы. Сценарий «Подвиг разведчика» произведение зрелое и обдуманное, во всех своих элементах подчиненное центральной мысли, теме, идее.

Обстоятельства, в которых приходится действовать Федотову, особенно трудны. Вспомним, как в своем донесении Гиммлеру характеризует Руммельсбург обстановку в районе.

«Последовательное осуществление ранее намеченных мероприятий позволило ликвидировать угрозу террористической и разведывательной деятельности русских в районе «Особой зоны». Двадцать шесть человек расстреляны на месте, восемнадцать — этапированы в лагерь Матхаузен, четверо подвергаются усиленному допросу. Зону «Вольфшанце» можно считать тщательно санированной».

Закончив диктовать донесение, Руммельсбург спрашивает у Поммера: «Надеюсь, теперь птица и полевая мышь тоже не проникнут сюда, без моего разрешения?» Руммельсбургу кажется, что он решительно все предусмотрел, что никаких неожиданностей быть не может. Зная о том, что в районе «Вольфшанце» появился советский

разведчик, он даже не очень хлопочет о том, чтобы напасть на его след. Он убежден, что построил всю систему охраны «Вольфшанце» так, что противник все равно придет к нему — Руммельсбургу, запутается в расставленных сетях. Он ведет себя, как опытный шахматный игрок, который придумал искусную, на много ходов рассчитанную комбинацию и с удовлетворением наблюдает за тем, как противник, пользуясь мнимыми его промахами, все глубже и глубже залезает в расставленную ловушку. Руммельсбург с наслаждением предвкушает свой заключительный удар, после которого противник внезапно обнаружит, что он окружен и выхода для него нет никакого.

К услугам Руммельсбурга — войска, агенты, провокатор Бережной, весь механизм охраны «Вольфшанце». Федотов в «волчьем логове» один, ему не на кого опереться. Он не может рассчитывать даже на друзей среди местного населения — зона так тщательно санирована, что в ней остались только прохвосты типа Медведева, готовые в любой момент предать кого и что угодно.

С тем большей яркостью обнаруживаются в этих исключительно трудных обстоятельствах воля, настойчивость и находчивость советского разведчика Федотова.

В сцене, происходящей в вестибюле отеля «Кайзергоф» в Летцене, Федотов вспоминает свою беседу с начальником непосредственно перед отправкой в Германию.

«Голос Федотова. Что же, могу гордиться; Руммельсбург сильный противник.

Голос начальника. У меня нет спортивной гордости. Я предпочел бы, чтобы он был

слабым противником. Но, к сожалению, он сильный противник... Тебе предстоит решить задачу со многими неизвестными. Мы знаем, что ставка Гитлера где-то в Восточной Пруссии, но еще не знаем, где... Мы знаем, что Кюн после инспекционных поездок туда приезжает, но не знаем, когда... Это трудно, очень трудно. Это больше, чем трудно, и больше, чем опасно... Это требует подвига, Алексей!

Голос Федотова. Подвиг — очень громкое слово, Владимир Николаевич. Все мы делаем нашу работу как можно лучше. Стараемся делать...»

Руммельсбург — действительно очень сильный противник. Профессиональный шпион с очень солидным стажем, он начал свою деятельность в этой области еще до первой мировой войны. Он настолько силен и умен, что в своих расчетах учитывает, вопреки фашистской пропаганде, даже моральную стойкость советских людей. Когда он сообщает своему помощнику, что: «Нужно знать человека или его цель... Иногда важнее узнать цель», и помощник замечает: «На вашем месте я все же предпочел бы человека», Руммельсбург с презрением говорит ему: «В надежде, что он разговорится? В контрразведке презрение к противнику опасно, генерал. Оставьте крайности рейхсминистру пропаганды». Но тем опасней Руммельсбург как противник. Он мыслит очень точно, никакая фашистская пропаганда не может заставить его ошибиться, он понимает, что, попадись Федотов ему в руки, он не смог бы самыми жестокими пытками принудить его сказать хотя бы слово. Именно поэтому он так радуется, когда Федотов обнаруживает цель разведывательной операции, порученной ему

начальником. Он бы ничего не узнал о цели, если бы Федотов оказался в руках «службы безопасности» до того, как проник в жилище Кюна.

И все-таки Руммельсбург недооценивает противника. Он не способен понять противника до конца, так же как любой человек из армии, в которой он служит, как любой член фашистской партии, в которой он состоит, не способен понять психологию советского человека. Руммельсбургу кажется, что противник его — пусть опытный, смелый, морально стойкий, не боящийся никаких пыток,— все же обыкновенный профессиональный разведчик. Руммельсбургу приходилось встречать множество различных типов разведчиков: одних можно было купить дешево, другие стоили дороже; среди них были трусы и храбрые люди, любители сильных ощущений и заурядные авантюристы. Руммельсбург уверен, что человек, которого он выслеживает, которому он расставил сети,— только один из вариантов этой, уж очень ему хорошо известной, породы людей.

Он не понимает, что Федотов прежде всего большевик, советский человек и лишь потом разведчик. Он не понимает, что к порученной ему задаче Федотов относится не только как к профессиональному долгу, но прежде всего как к своему человеческому и гражданскому долгу перед Родиной. Рутина и косность, столь характерные для германской армии, для каждого звена этой армии — от высшего генералитета до рядовых солдат,— в такой же мере характерны и для Руммельсбурга. «Да... он смелый человек,— говорит Руммельсбург о Федотове,— он направил удар на Кюна и бросил на стол последнюю ставку. Он справедливо рассчитывал на неосторожность генерала. Но он не подумал обо мне... Он

обнаружил свою цель. Он провалился... Я не знаю, откуда он начал, но теперь знаю его ход и его цель. Он кончил Кюном. Я начну с Кюна и доберусь до него».

Руммельсбургу и в голову не может притти тот выход, который находит Федотов. Если провалилась цель, если не удалось достать для советского командования доклады Кюна, значит, надо похитить и взять в плен автора доклада. Этот замысел Федотова отмечен «безумством храбрых» и задумать его и воплотить в жизнь мог только человек, для которого подвиг — «это просто работа», каждодневная и упорная, которому совесть не позволит отступить там, где с точки зрения профессии все возможное сделано и остается только отступление. Ведь после того, как провалена цель и Федотов обнаружил, что Руммельсбург изъял доклады Кюна из сейфа, дальнейшее пребывание в «Вольфшанце» представляется бесполезным, ничем не оправданным риском. И все же Федотов остается, потому что этого требует долг перед Родиной. Формально никто не приказывал ему остаться, его никто бы и не упрекнул, если бы он ушел. Но он понимает, что доклады Кюна (окажись они в руках нашего командования) спасли бы тысячи жизней, способствовали бы скорейшему победоносному окончанию войны, и он сам себе приказывает остаться. «Что поделаешь, хозяин! В другой раз»,— утешает его один из присланных из Москвы его помощников. «Другого раза не будет,— с безжалостным отчаянием отвечает Федотов,— ...я провалил операцию. Доклады Кюна, которые так нужны командованию, доклады, которые в эту минуту должны находиться на пути в центр,— погибли для меня».

Он блистательно завершает операцию, похитив Кюна. «Мне нужен был ваш доклад, генерал,— говорит он Кюну по дороге,— я не сумел его получить. ...Мне пришлось взять автора Вы стали жертвой излишней предусмотрительности вашего друга фон Руммельсбурга. Ему не следовало брать документы из вашего сейфа».

IV

Эти слова Федотова, адресованные Кюну, в сущности раскрывают «методику» работы Федотова как разведчика. В то же время они дают ключ к пониманию тех особенностей, на которых построен сюжет сценария.

Основной ход, к которому прибегает Федотов, заключается в том, что он использует против Руммельсбурга те самые меры, которые тот предпринял с целью помешать Федотову выполнить задание и захватить его. Излишняя предусмотрительность Руммельсбурга оказывается его ошибкой не потому, что сами по себе шаги, предпринимаемые им, ошибочны, но потому, что Федотов превращает их в ошибку противника и использует для своего торжества.

Поединок между Федотовым и Руммельсбургом — не только поединок характеров, воли, настойчивости, но поединок людей двух разных типов; человека высокой души, ума, морали с человеком, который, будучи и умным и опытным, является в то же время типичным представителем прусской самоуверенности, рутины и косности, фашистского авантюризма. Вот почему интеллект Федотова так очевидно, так явно торжествует над хитростью Руммельсбурга.

Руммельсбург все предусмотрел: зона тщательно санирована, без его разрешения в нее не

проникнет ни птица, ни полевая мышь. Больше того, он понимает, что советские разведчики будут пытаться проникнуть в зону, и готовится их встретить, заранее расставив силки и ловушки, чтобы во-время поймать их. Но каждый раз Федотов использует против Руммельсбурга те ловушки, в которые должен был попасться сам.

Когда Лещук сообщает Федотову, что Бережной — советский офицер, бежавший из лагерей для военнопленных, Федотов сразу узнает «почерк» Руммельсбурга и догадывается, что Бережной — предатель.

Руммельсбург рассчитывает на Бережного, как на один из главных козырей в своей игре с Федотовым. Он убежден, что Бережной приведет к нему Федотова, что именно Бережной сумеет узнать, кто из находящихся в зоне людей — советский разведчик (в своем донесении Гиммлеру Руммельсбург писал, что «для контроля над возможными попытками возобновления деятельности русской агентуры оставлены на свободе три участника организации, в числе которых мой «доверенный» человек»). План Руммельсбурга очень прост и, как ему кажется, математически точен. Разведчику понадобится связь с центром. Он лишит разведчика связи тем, что будет захватывать сбрасываемых советских парашютистов. С этой целью он организует ложные посадочные площадки с той же сигнализацией, которую применяют партизаны. Лишенный связи, разведчик бесспорно попробует наладить эту связь через местное население и будет искать участников подпольной организации. Так он придет к Бережному, а Бережной отдаст его в руки «службы безопасности», возглавляемой Руммельсбургом.

Действительность как будто оправдывает предвидения Руммельсбурга. Его агентура захватывает радиста, который направлен из Москвы в распоряжение Федотова. Но от радиста не удается добиться ни одного слова. Через Карповского Федотов узнает о существовании подпольной организации и о том, что среди трех ее участников — один провокатор. Проверив Лещука, он приходит к Бережному. Он проверяет и Бережного, сводя его с Медведевым и намекнув, что Медведев — крупный советский разведчик. Когда Медведева арестовывают по доносу Бережного, Федотов казнит Бережного и уже спокойно доверяет Астахову связаться с партизанами, которые дадут знать в Москву о необходимости послать Федотову помощников. Таким образом Бережной не только «помогает» Федотову ликвидировать провокатора Медведева, но группа подпольщиков, специально оставленная Руммельсбургом для того, чтобы можно было вовремя ликвидировать советских разведчиков, помогает Федотову наладить связь с Москвой. Все происходит так, как предусмотрел Руммельсбург. С одной только разницей — ловушка, расставленная им против Федотова, помогает последнему и становится одной из причин поражения Руммельсбурга.

В любом произведении авантюрного или детективного жанра огромную роль играет счастливая или несчастная случайность. Случайность вообще — хозяин этого жанра. Но как раз случайностей-то и избегают авторы сценария «Подвиг разведчика». Только самому себе, своему мужеству, своей настойчивости обязан Федотов тем, что ему удается наладить связь с Москвой и не попасть в ловушку, приготовленную Рум-

мельсбургом. И все же случайность оказывается и на пути Федотова, и эта случайность обрушивается на него.

В вечер, когда Федотов на месте условленной явки — у здания кинотеатра — ждет радиста, посланного из Москвы, он неожиданно встречает Штюбинга-Карповского, матерого шпиона, которому удалось бежать из Москвы уже после того, как он был разоблачен и схвачен органами советской контрразведки. Карповский узнает Федотова и заранее предвкушает, как будет благодарен ему Руммельсбург, когда увидит пойманного советского разведчика. Но и эту несчастную случайность Федотов обращает на пользу себе и против Руммельсбурга: агент последнего Штюбинг-Карповский сообщает Федотову адреса трех подпольщиков и тот факт, что один из них — провокатор. Иначе говоря именно Штюбинг-Карповский дает Федотову в руки средство наладить связь с Москвой.

Так каждое препятствие, которое встает на его пути, Федотов превращает в средство добиться поставленной цели. Так добивается он победы над Руммельсбургом, наглядно доказывая свое моральное и интеллектуальное превосходство над противником. В «санированной» Руммельсбургом зоне фактически хозяином оказывается не он, а Федотов,— одинокий разведчик, которому противостоят вся служба безопасности, полиция, провокаторы, войска, опыт и ловкость Руммельсбурга. Федотов проверяет людей, вершит суд над предателем Бережным, берет в плен крупного германского генерала, и Руммельсбург бессилен что-либо сделать с ним, а то, что он предпринимает, неизменно обращается против

него самого и увеличивает шансы Федотова на победу.

То же самое происходит и в Летцене. Когда по доносу коридорного, сообщившего в полицай-президиум, что вновь прибывший коммерсант Эккерт носит почему-то русскую обувь, Федотова вызывают в полицай-президиум, он после длительной проверки даты его мнимого выезда из Триеста сам указывает чиновнику на свои ботинки и объясняет, что купил их в Болгарии и что они доставили ему множество хлопот. После этого за ним перестают следить. И здесь он превращает ошибку в способ избавиться от недоверия и ликвидировать усиленное внимание к нему полиции.

Поединок между Федотовым и Руммельсбургом, точнее — между Федотовым и фашистской контрразведкой, с наглядностью обнаруживает, что Федотов умней, проницательней, смелей своих противников. Советский человек, оставшись один среди бесчисленного количества врагов, в самом логове зверя, оказывается хозяином положения.

Этот идейный замысел сценария реализован в сюжете, в котором внешняя суета, внешний динамизм (будто бы обязательный для кинематографа), всякого рода внешние эффекты, тайны, внезапные сюжетные повороты, словом — все традиционные приемы детективной интриги не играют решительно никакой роли. Сюжет сценария, в сущности, очень прост и почти весь сосредоточен главным образом в сфере интеллектуальной борьбы между Федотовым и Руммельсбургом. Руммельсбург строит сложную комбинацию, чтобы поймать Федотова, последний каждый раз парализует его удары. Внимание зрите-

ля сосредоточивается здесь не столько на моментах внешнего действия, сколько на процессе обдумывания положения той и другой стороной. Вот откуда в сценарии так много «внутренних монологов» Федотова, разговоров Руммельсбурга с подчиненными по вопросу о том, как будет захвачен Федотов, которые, в сущности, тоже являются своеобразными монологами и раскрывают ход мысли Руммельсбурга.

Мне кажется, что этот способ построения представляет собой новость, счастливую находку авторов*.

Федотов — живой характер, определенный и ясный социально, морально и интеллектуально. Во имя создания этого характера, этого образа сценаристы отказались от ложных эффектов, от всего традиционного арсенала приемов, обычно свойственных жанру.

---

* В новеллах о Холмсе Конан-Дойля тоже как будто раскрыт ход мыслей персонажа. Больше того, проницательной мысли Холмса автор противопоставляет беспомощную, не способную разобраться в обстоятельствах мысль Ватсона или Лестрада, которые каждый раз уводят читателя на ложный след. Пресловутые догадки Холмса, которому достаточно бегло взглянуть на незнакомого человека, чтобы точно определить, сколько ему лет, где он прожил большую часть своей жизни, какую музыку он любит, как он завтракал сегодня утром и т. д.,— свидетельство его безукоризненной логики. Но, во-первых, эта логика — только один из возможных способов рассказать о совершенном уже преступлении, и, во-вторых, Холмс представляет собой не живой персонаж, а своеобразную логическую абстракцию, которой приданы всякого рода живые признаки — худоба, горбатый нос, неизменная трубка во рту, любовь к игре на скрипке. Если бы мы попытались представить себе живого Холмса, его характер, его моральный облик, то с удивлением обнаружили бы, что этот герой — только фикция героя, наделенная несколькими внешними признаками живого человека. Способ действий и анализ Холмса — только логическая игра. Это не живая мысль, но способ рассказа, не живой человек, но абстракция.

V

Есть в сценарии эпизод, в котором полупьяный Вилли Поммер разговаривает с Федотовым в зале офицерского казино «Веселая Луиза». «Разведчиком нужно родиться,— поучает Поммер.— У нас особый талант. Нужно особое чутье, особые глаза, злость»...— «И нужно очень любить свою Родину»,— прерывает его Федотов. Но Поммер отмахивается: «Сентиментальность... Еще одна причина, из-за которой вы не будете разведчиком... У нас чувствительность не популярна».

Разговор этот только подводит итоги, формулирует те идейные мотивы, которые уже ясно наметились в сценарии. На одной стороне — глубокая любовь к Родине, которая требует от человека выполнения своего долга хотя бы ценой жизни; на другой — корысть, карьеризм, зоологическая мораль фашиста, который самые святые человеческие чувства считает сентиментальностью.

Для советского человека, для Федотова профессия разведчика вдвойне тяжела. Это не только каждодневный подвиг, но и необходимость

прикидываться другом людей, которых он ненавидит, сидеть с ними за одним столом, скрывать свое настоящее лицо. Это — необходимость, сжав зубы, наблюдать издевательства фашистов над населением оккупированной зоны и не иметь возможности помочь жертвам фашистских палачей. Положение Федотова вдвойне драматично, но необходимость скрывать свое настоящее лицо подчеркивает моральную и душевную чистоту этого человека. Этот драматизм положения Федотова раскрывается сценаристами в нескольких эпизодах: когда он видит из окна угоняемых на немецкую каторгу людей и когда он вынужден подвергнуть суровой проверке честного советского человека — Лещука.

Глубокая и сильная любовь Федотова к советским людям и ненависть его к врагам и предателям раскрываются в этих эпизодах с предельной силой, яркостью и вместе с тем с драматическим лаконизмом и выразительностью. Короткие реплики-монологи Федотова выражают его крайнее душевное напряжение, драму человека, лишенного возможности помочь своим соотечественникам. Лаконизм авторов сценария — свидетельство их желания уйти от мелодраматической, неправдоподобной краски. Им это удалось в полной мере, и несколько коротких реплик оказываются по своей драматической силе выразительнее и ярче, чем могла быть сцена с самостоятельным сюжетом.

Если бы характер Федотова был менее определенным, если бы этот образ не был отмечен такой высокой моральной чистотой, если бы в сценарии осталась только схема сюжетных перипетий, сценарий показался бы значительно менее интересным и увлекательным, во всяком случае смысл той или иной перипетии значительно потускнел бы, потерял бы в своей жизненности и убедительности.

Так, если бы образ Федотова был очерчен менее выпукло, а мотивы, характеризующие его как подлинного советского патриота, были бы раскрыты менее ясно, вся история с похищением Кюна выглядела бы явно натянуто, неубедительно. Похитить вместо доклада его автора — ход бесспорно остроумный, но и в высшей степени рискованный. Однако в действиях Федотова нет никакого расчета на случайность. Он тщательно подготовил возможность проникнуть в дом Кюна и быстро скрыться из санированной Руммельсбургом зоны в партизанский край, где его будет ждать самолет на Москву. Но ему нельзя было не принять во внимание, что Кюн, возможно, попытается сопротивляться, что прусская спесь может заставить его отказаться следовать за Федотовым. Федотов твердо рассчитал и этот свой шаг. От обычной его проницательности не ускользнуло, что Кюн очень привязан к земным благам, что у него вполне «фламандские» вкусы и что он не случайно упрекает окружающих его офицеров в том, что они «девицы из монастырского пансиона», а не солдаты. Федотов хорошо знает, что Кюн «веселый обжора, но умен и хитер», что его привычки доставляют множество хлопот охраняющему его Руммельсбургу. Но, как большинство людей прусско-фашистского склада, веселый обжора Кюн, в сущности, трус! Вот почему, когда в ответ на приказание Федотова следовать за ним Кюн хрипло возражает: «Я никуда не пойду!», Федотов спокойно отвечает: «Вы пойдете! Вы слиш-

ком любите жизнь, черное пиво, толстозадых баб...» Федотов разгадал характер Кюна, и это помогло ему одержать решающий успех. Разумеется, в истории с похищением был риск, и очень серьезный. Но он был оправдан расчетом и поэтому вовсе не был безрассудным. Как и в других эпизодах, эпизод с Кюном — один из моментов, характеризующих интеллектуальное превосходство Федотова над Руммельсбургом.

VI

Есть фильмы «серьезные», имевшие большой и несомненный успех у советского зрителя; многие из них представляют собой выдающиеся явления советского киноискусства.

Есть фильмы «несерьезные»; некоторые из них тоже имели немалый успех у зрителя, но зритель их не запомнил. Их запомнили только историки кино. Кто помнит такие фильмы, как «Месс-Менд», «Сумка дипкурьера», «Луч смерти», «Дети бури»? А ведь они появились в ту же эпоху, когда созданы были «Броненосец «Потемкин», «Мать», «Арсенал», «Обломок империи». Фильм «Сумка дипкурьера» ставил А. Довженко, «Дети бури»— Ф. Эрмлер, но зритель, наверное, удивится, узнав о том, что «Арсенал» ставил тот же режиссер, который в начале своего творческого пути поставил «Сумку дипкурьера», а «Дети бури» были первым фильмом режиссера, впоследствии создавшего «Обломок империи» и «Встречный», «Великий гражданин» и «Великий перелом».

К «несерьезным» фильмам относятся, как правило, почти все фильмы авантюрные или детективные; из них в памяти зрителя остались только «Красные дьяволята». Но те, кто видели этот фильм, запомнили вовсе не приключенческую фабулу, достаточно наивно и элементарно разработанную, а образы трех мужественных советских ребят, ставших участниками больших событий гражданской войны.

По своему жанру сценарий «Подвиг разведчика» также как будто относится к «несерьезным» явлениям нашей кинодраматургии. Но авторы его принесли обычную условность жанра в жертву правде, мелодраматические эффекты — точному и ясному развитию темы и мысли, а возможность заинтриговать зрителя целым рядом приемов, принятых в ремесленной драматургии,— возможности показать живой и яркий характер центрального героя, советского разведчика. К произведению «несерьезного» жанра сценаристы подошли с требованиями и меркой большого, серьезного искусства. Сценарий от этого только выиграл в своей «занимательности», в сюжетной остроте.

Сценарий «Подвиг разведчика» родственен некоторым, пользовавшимся успехом у нашего зрителя, произведениям, написанным в том же жанре. Он родственен им, но он значительно серьезней этих произведений, идейно неизмеримо глубже и, следовательно, художественно совершенней.

Уровень сценария «Подвиг разведчика» — уровень большой серьезной кинодраматургии.

Н. Коварский

ВСЕ, ЧТО ВЫ УВИДИТЕ, СЛУЧИЛОСЬ НЕ ТАК ДАВНО. ПО ПОНЯТНЫМ СООБРАЖЕНИЯМ ИМЕНА ГЕРОЕВ ИЗМЕНЕНЫ. МЕСТА ДЕЙСТВИЯ ИНОГДА НАЗВАНЫ НЕТОЧНО.

Комната и все вещи в ней малы, хрупки, уютны. Федотов, устроившись в углу дивана, наслаждается покоем, тишиной, присутствием Нины.

Федотов *(с изумлением)*. Это ты?!

Нина *(улыбается)*. Я...

Федотов. Поразительно! *(Привлекает к себе девушку — с заботливой тревогой.)* А ты похудела, родная.

Нина. Мало спим. Немцы мешают... *(вздыхает)*. И вот мое зеркало стало показывать очень некрасивую девушку.

Федотов. Выброс зеркало. Девушка красивая.

Нина *(не слушает)*. Может быть, это от того, что я немножко беспокоилась о тебе.

Федотов. Не смей беспокоиться обо мне. Ты видишь, я ухожу и прихожу, как любой фронтовик. Просто ты девушка, которая любит фронтового офицера...

Нина. ...который не оставляет номера полевой почты, не пишет писем и даже не прощается, когда уезжает. *(Видит, что он недоволен.)* Ну, не сердись на меня. Больше не буду...

Федотов прижимает ее к себе.

Тишина.

Вдруг — веселый, резкий свисток.

Закипел чайник.

Нина *(неохотно поднимается)*. Вскипел чайник.

Федотов *(следит за тем, как она хозяйничает)*. Сколько раз я представлял себе эту комнату и эти чашки на столе и... *(комически вздыхает)* и баночку с вишневым вареньем.

Нина *(гладит Федотова по щеке, отходит к шкафу, торжественно ставит на стол баночку с вишневым вареньем)*. Я купила эту баночку, когда ты был здесь... в последний раз...

Федотов. И ты, сластена, не съела?

Нина. Мы вместе тебя ждали. Я и баночка. Долго ждали... Ты уехал двадцать восьмого декабря тысяча девятьсот сорокового года. А еще хотел встречать со мной Новый год! Дай мне карандаш, я отмечу сегодняшний день.

Нина подходит к стене, на которой висит фотография Федотова, поворачивает ее — на обороте записано несколько дат.

Федотов. Погоди писать. Сядь возле меня... Тот вечер продолжается. Вот ты, вот наши чашки, вот баночка. Может быть, осталась та же бутылка «Напареули»? Тогда все будет, как тогда.

Нина. «Напареули» прокисло.

Федотов *(вскакивает)*. Сейчас будет «Напареули»!

Нина *(хватает его за руку)*. Куда ты?

Федотов. Через десять минут я вернусь. С бутылкой. И мы ее выпьем, чтобы не расставаться.

Нина *(тревожно)*. Не уходи. Мне не хочется, чтобы ты уходил.

Федотов. А что, разве есть такая примета?

Нина. Кажется, есть. А ты не веришь?

Федотов *(смеется)*. Верю! Верю в черную кошку, в луну с левой стороны, в серого доминиканца...

Нина. Где ты видел серых доминиканцев?

Федотов. В одном необычайном городе. В нем, представь себе, по обеим сторонам улицы стоят дома, а по тротуарам ходят люди. Одни туда, а другие обратно.

Нина *(вдруг нервно)*. Пожалуйста, пожалуйста, я ведь ни о чем не спрашиваю.

Федотов. Ты, дорогая моя!

Он быстро уходит. Она улыбается ему вслед. На столе его чашка, его варенье.

Нина *(тихо)*. Милый ты мой, бедный ты мой... Я ведь знаю, что тебе хочется все рассказать. Все люди любят рассказывать, и тебе тоже хочется. Всем хочется похвастаться. А ты умный и смелый, ты все время ходишь по краю смерти и делаешь отчаянные вещи, которыми может гордиться всякий человек. Но ты молчишь об этом, потому что должен молчать, молчать, молчать!..

За окном протяжный, призывной гудок машины.

Федотов весело бежит вниз по лестнице.

Призывной гудок машины.

На улице мелкий дождь. Редкие фонари в колпачках. Машины с затемненными фарами. У фонаря человек в пальто с поднятым воротником. Из подъезда выскакивает Федотов. Увидев человека у фонаря, он останавливается. Гримаса неудовольствия. И сразу из-за угла выезжает автомобиль.

Федотов. Уже?

Человек. Хозяин сказал, чтобы срочно.

Федотов. Подожди. Я вернусь через две минуты.

Человек. Опоздаем. Ждут к девяти.

Федотов *(смотрит на ручные часы)*. Девять часов две минуты! *(Направляется к машине. Секундная задержка,— он смотрит на затемненные окна. Из окна — свет.)* Вот и свет у нее пробивается. Оштрафуют, поди!..

Человек. Что?

Федотов. Нет, ничего...

Стук дверцы, рев мотора. Машина скрывается в темноте.

Сквозь плохо затемненное окно пробивается свет.

Деловой кабинет. Две комнаты. Дверь во вторую приоткрыта. Здесь не только работают, здесь протекает жизнь.

В кресле начальник — сосредоточенный и усталый. Против него, в новенькой красноармейской гимнастерке, грязноватый и небритый Карповский — блондин с маловыразительным лицом. Мимо таких людей проходят, как мимо пустоты. Но когда Карповский не прячет глаза, виден его острый, уклончивый взгляд. Он испуган, но старается быть спокойным.

За маленьким столиком — молчаливая, внимательная стенографистка.

Карповский. ...и я рассказал вам все, назвал всех — Кройзинга, Шихматова... Больше я никого не знаю. Поверьте, если бы знал, рассказал бы. Шпионов, которые рассказывают все, не

расстреливают, правда?! А я хочу жить... Я очень хочу жить, именно сейчас, когда война... гораздо больше, чем когда мир. Тогда все живут, а сейчас это счастье!

Начальник. Кройзинг и Шихматов назвали нам еще одного. Вы его знаете?

Карповский *(после долгой паузы)*. Бауэр? Разве я его не назвал?!

Начальник. Теперь назвали.

Входит Федотов, обменивается с начальником коротким взглядом и садится, не, как собирался, на стул в отдалении, а в кресло, прямо против Карповского. Карповский ловит этот взгляд.

Начальник *(резко меняет тему допроса)*. Вас перебросил сюда штаб «ЦЕТ»?

Карповский. Да. Служба «Цеппелин».

Начальник. Система «Абвера»?

Карповский. Нет. Система СД — «Зихерайнцдинст». «Служба безопасности». Меня направил фон Руммельсбург.

Федотов настораживается.

Начальник *(взгляд в сторону Федотова)*. Вы давно знаете Руммельсбурга?

Федотов, быстро взглянув на начальника, внимательно слушает.

Карповский. Десять лет. Я начал работать на него еще в Америке.

Начальник. Точнее.

Карповский. В Южной Америке. В Монтевидео...

Начальник. К Монтевидео мы еще вернемся. Подробнее о Руммельсбурге.

Карповский. Эрих фон Руммельсбург — бригаденфюрер СС. Во время мировой войны был начальником «Абвера Ост», затем перешел в «Службу безопасности». Ближайший помощник Кальтенбруннера...

Начальник *(обрывает)*. Сведения из справочника. Послужной список Руммельсбурга нам известен не хуже, чем вам. Даже лучше. Ваши сведения устарели. Недавно Руммельсбург произведен в группенфюреры.

Карповский *(с юмором висельника)*. Не думаю, что мне удастся поздравить его с повышением.

Начальник *(сухо)*. Я тоже не думаю. Продолжайте...

На столе начальника звонит телефон.

Начальник *(берет трубку)*. Слушаю. Хорошо. Полагаю, Алексея. Да, он у меня. Хорошо.

Взгляд начальника на Федотова.

Взгляд Карповского тоже на Федотова.

Сквозь плотно завешанные портьеры прорывается сирена «воздушной тревоги», треск зенитной стрельбы.

Карповский нервничает, тревожно поглядывает на окно.

Начальник *(спокойно)*. Итак, Руммельсбург.

Грохот воздушного налета усиливается.

Нина суетится у стола, ставит тарелки, открывает коробку консервов. За окном грозная музыка воздушной тревоги. Стучат. В дверях голова соседки.

Соседка *(поражена)*. Вы что, с ума сошли?

Нина *(с радостной улыбкой)*. Ага!

Соседка. Ничего не понимаю! Дежурство не ваше?

Нина. Нет.

Соседка. Марш в убежище!

Нина. Не пойду. Я жду одного человека. Он огорчится, если не найдет меня здесь.

Соседка. Он что — ненормальный? Не найдет дороги в убежище?

Нина. Не найдет. Он никогда в жизни не видел убежища.

Соседка. Откуда он свалился, ваш гость?

Нина. Не знаю. Свалился и все.

Близкий удар. Гаснет и зажигается свет.

Гаснет и зажигается свет.

Еще в темноте спокойный голос начальника.

Начальник. Вы что, притворяетесь испуганным, или в самом деле струсили?

Карповский. Нет, нет, ничего.

Начальник. Перед отправкой на задание вас следовало вылечить от истерии. Вы зря теряете время.

Карповский *(старается быть спокойным)*. В минуты хорошего настроения Руммельсбург любит называть себя «старым прусским юнкером», он говорит, что больше всего на свете любит разводить свиней, и когда выйдет в отставку, то...

Начальник *(перебивает)*. Его адъютант, кажется, сын известного свиноторговца в Летцене?

Карповский. Нет, нет. Это не связано. Адъютант Руммельсбурга — Вилли Поммер, один из вожаков «Гитлер-Югенда» в Летцене. Руммельсбургу его рекомендовал сам гауляйтер Кох, который хорошо знает семью Поммеров.

За окном фанфары отбоя. Голос радио-диктора: «Опасность воздушного нападения миновала». И немедленно — далекие, заглушенные гудки машин.

Начальник. Расскажите все, что знаете о Руммельсбурге. Чем он занимается в свободное время, что ест и что пьет, когда ложится спать,— все, что вам о нем известно.

Входит сотрудник. Тихо наклоняется к Фело-

тову, передает ему пакет. Федотов раскрывает. В нем немецкий паспорт — «аусвайс» — на имя Гейнриха Эккерта. Федотов кладет его в карман.

Конвоиры выводят Карповского из подъезда, усаживают в черную крытую машину. Машина трогается.

Тихая улица. Редкие прохожие. Быстро проносится черная машина.

В кабине слабо освещенное лицо Карповского, внимательные лица красноармейцев охраны.

Внезапный вой сирены—снова воздушная тревога. Водитель прибавляет ход.

И сразу улица в вспышках зениток. По небу бегут молнии трассирующих пуль. Скрещиваются прожекторы.

Быстро проносится машина. Свист фугасной бомбы.

Яркая вспышка разрыва.

Мелькает лицо Карповского.

Плотная пыль.

Вспышка пламени.

Машина, вздыбленная воздушной волной.

Застывшее в последнем удивлении лицо водителя. Закрытые глаза убитого красноармейца охраны.

Вращается вхолостую колесо перевернутой машины.

Из-под обломков медленно вылезает Карповский, шатаясь, поднимается, осматривается.

Машина горит. Язычки пламени ползут по капоту мотора.

Карповский ныряет в темноту переулка.

В кабинете начальника. Резко звонит телефон.

Начальник *(берет трубку)*. Да. *(Легкое беспокойство.)* Да!..

Начальник, положив трубку, морщится, встает, звонит.

Входит сотрудник.

Начальник. Карповский бежал. Когда ушел самолет с Федотовым?

Сотрудник. Боюсь, что он уже на месте.

Начальник *(задумчиво)*. Так...

Он отходит к окну, отдергивает портьеры.

В ночном небе самолет. В кабине, рядом с пилотом, Федотов. Штурман определяет по карте.

Самолет идет на снижение.

Кивок пилота. Короткое рукопожатие. Сигнал.

Федотов прыгает. Самолет уходит вверх, за облака. Затяжной прыжок. Наконец раскрывается парашют. Близко земля.

Окно разбито взрывной волной. Ветер гуляет по комнате. Нина сидит в уголке дивана, кутаясь в большой платок. Перед ней на валике часы.

Стрелка приближается к семи. Серый, осенний рассвет.

Нина *(шопотом)*. Сколько месяцев... Или лет?

Подняв руки, она медленно, словно большую тяжесть, снимает со стены фотографию Федотова и отмечает новую дату — 4 октября 1941 года. Подходит к столу — ее взгляд падает на банку варенья. Неторопливо, как бы исполняя обряд, она съедает ложечку варенья, глядя на фотографию. Ей очень трудно сейчас не расплакаться.

Серый, чужой пейзаж.

На длинной стене огромные, белые, готические буквы — «Летцен».

Небольшой вокзал. Под стеклянной крышей перрона поезд «Кенигсберг — Варшава». Из вагонов высыпают пассажиры. Гудки, дробь шагов, рокот разговоров.

Из вагона первого класса выходит человек с небольшим несессером в руках. Приподняв шляпу, он прощается с случайными попутчиками — двумя офицерами и дамой — и поворачивается, все еще сохраняя любезную улыбку.

Элегантная, широкополая, надетая чуть набекрень шляпа оттеняет спокойное лицо Федотова.

У турникета проверка документов. Очередь доходит до Федотова. Он небрежно протягивает офицеру свой «аусвайс».

Офицер *(просматривает документ, бормочет)*. Гейнрих Эккерт... Год рождения... У. К... Так... *(пропускает)*. Прошу вас!

Тихий предвечерний час. Небольшая, тесно уставленная старинными домами «Рыночная площадь». Чужой город, чужая неторопливая жизнь.

Вывеска отеля «Кайзергоф». Толстый, благодушный портье у дверей. В амбразуре окна с трубкой в зубах Федотов. На лице то же благодушие и спокойствие.

По площади пролетает, с мелодичными гудками, длинный, серый «Мерседес». Рядом с номером опознавательный знак — белый прыгающий заяц.

Проводив глазами машину, Федотов отходит от окна, садится в кресло, вытягивает ноги. Лицо его задумчиво. Рот плотно сжат. Он напряженно вспоминает каждое слово, сказанное ему.

Раздается негромкий и спокойный голос начальника.

Голос начальника. Мне очень жаль, Алексей, что у тебя получилась такая маленькая пауза. Но надо ехать.

Голос Федотова. Понял.

Голос начальника. Знаю. Но понял ли ты, зачем я тебя вызвал именно сейчас?

Голос Федотова. Речь пойдет о Руммельсбурге?

Голос начальника. Не совсем. Впрочем, он будет твоим основным противником. Руммельсбург — начальник охраны «Вольфшанце»— «волчьего логова» — ставки Гитлера. А в ставку приезжает генерал-лейтенант Кюн.

Голос Федотова. Кюн? Помню. Старый военный... Один из организаторов «Черного Рейхсвера».

Голос начальника. А теперь —генерал-инспектор Гитлера. Он один из немногих, которым разрешено докладывать полную правду о положении на фронте. Гитлер считается с его мнением. И ты понимаешь, как нам важно знать содержание докладов Кюна... И тебе придется это узнать. А мешать будет в основном Руммельсбург.

Голос Федотова. Что же, могу гордиться. Руммельсбург сильный противник.

Голос начальника. У меня нет спортивной гордости. Я предпочел бы, чтобы он был слабым противником. Но, к сожалению, он сильный противник.

Голос Федотова. Постараюсь сделать все, что смогу.

Голос начальника. Тебе предстоит решить задачу со многими неизвестными. Мы знаем, что ставка Гитлера где-то в Восточной Пруссии, но еще не знаем, где. Мы знаем, что Кюн после инспекционных поездок туда приезжает,

но не знаем, когда. Каждое сообщение из ставки будет иметь для нашего командования неоценимое значение. Каждое, даже мелкое.

Голос Федотова. Вы, кажется, сказали о Кюне?

Голос начальника. Я сказал, что каждое сообщение представит большое значение.

Голос Федотова. Значит, будем думать о Кюне!

Голос начальника. Это трудно, очень трудно. Это больше, чем трудно, и больше, чем опасно. Ты улыбаешься?

Федотов улыбается своим мыслям, выбивает трубку.

Голос начальника. Ты прав. Раньше было тоже трудно и опасно. Но то «было», а это «будет»! Это требует подвига, Алексей!

Голос Федотова. Подвиг — очень громкое слово, Владимир Николаевич. Все мы делаем нашу работу как можно лучше. Стараемся делать...

Голос начальника. Работа? Хорошо. Тебе предстоит, Алексей, трудная работа!

Голос Федотова. Руммельсбург и Кюн! Кюн и Руммельсбург!

Федотов сидит в кресле, закусив в зубах погасшую трубку. Лицо его попрежнему непроницаемо.

В комнате темнеет, с улицы пробивается свет только что зажженных фонарей.

Федотов *(задумчиво)*. Руммельсбург и Кюн!

В уставленной тяжелой мебелью комнате за большим столом работает генерал СС, худощавый, жилистый, со странными для старого человека живыми движениями.

Входит гауптштурмфюрер СС Вилли Поммер — почтительный и вместе с тем дерзкий молодой человек. Передает пакет.

На пакете надпись: «Группенфюреру СС фон Руммельсбургу».

Руммельсбург *(просматривает содержимое пакета)*. Он здесь?

Вилли. Ждет в приемной.

Руммельсбург. Введите.

Вилли уходит. Руммельсбург поворачивается к стоящему за ним радиоприемнику.

Вилли вводит человека в мешковатом, солдатском мундире. Это — Бережной. Руммельсбург продолжает не спеша настраивать приемник. Английские, немецкие, французские фразы. Наконец, русская песня: «За серебряной рекой». Руммельсбург молча слушает. Музыка.

Руммельсбург *(неожиданно поворачивается)*. Недурно, не правда ли?

Бережной. Я не люблю русских песен, господин генерал.

Руммельсбург. Какие вы любите?

Бережной. Я — украинец, господин генерал. У нас свои песни, у Москвы свои.

Руммельсбург. Тем не менее вы служили в большевистской армии?

Бережной. Простите, господин генерал. Но я подозреваю, что и в германской армии служит известное количество коммунистов.

Руммельсбург *(удивленно поднимает глаза)*. Недурно... Сколько вы получаете?

Бережной. Двести марок в месяц. Каждая ходка на советскую сторону — триста марок дополнительно.

Руммельсбург *(насмешливо)*. Прейскурант вы знаете наизусть.

Бережной. Я ценю свою деятельность, как и всякую другую.

Руммельсбург *(после паузы)*. Вы мне подходите... Итак, с этого дня вы капитан Бережной, взятый в плен под Харьковом. Вы были ранены, без сознания, иначе бы вы не сдались. Вас отвезут на вашу родину, на Украину, в лагерь военнопленных. Там вы отберете двоих, троих человек, настоящих большевиков — самых смелых и сильных, каких только найдете. Это гарантирует вам дальнейшее. С ними вы бежите, куда — узнаете после. Прибыв на место, самостоятельно нащупаете связи с подпольем. Войдете в доверие. Остальное понятно... Учти-

те — даже комендант лагеря узнает, кто вы такой, только в день побега. Вы будете работать и подвергаться наказаниям наравне с русскими пленными. Все будет оплачено по вашему прейскуранту в двойном размере. В конце работы — бронзовый крест. Вопросы?

Бережной. Вопросов нет, господин генерал.

Руммельсбург. Идите. *(Когда Бережной доходит до двери.)* Да... на время этой работы вам придется полюбить русские песни.

Бережной выходит. Руммельсбург, точно оценивая, провожает его глазами.

Тяжелый удар валит с ног человека в лохмотьях солдатской одежды. Бережной поднимается — новый удар.

Лагерь военнопленных. Восемь рядов колючей проволоки. Каре военнопленных. Собаки, солдаты. Экзекуция над Бережным.

Шорох среди пленных. На них направляются автоматы.

Истязание окончено. Товарищи несут полумертвого Бережного в барак.

Бережной стонет.

Над ним склоняются люди, среди них Астахов.

Бережной *(Астахову тихо)*. Убегу. Все равно убегу.

Астахов *(вытирает кровь с лица Бережного)*. Тише, Бережной... Тише, тише, товарищ.

Коридор отеля «Кайзергоф» по-ночному пуст. Две лампочки тускло светят на скучный линолеум и чинный ряд башмаков, выставленных перед дверями.

Сонный коридорный лениво собирает башмаки для чистки. Одна пара привлекает его внимание. Глаза становятся внимательными и острыми.

Из-за дверей доносятся ночные шорохи.

Утро. Неяркое солнце. Окно распахнуто настежь. Федотов кончает бритье, тщательно проводит ладонью по щекам, наливает на полотенце одеколон и, вытирая лицо, подходит к окну. Внизу, около уличного репродуктора, оживленная группа летценских бюргеров.

Голос диктора. Фюрер поздравил фельдмаршала фон Листа с занятием города Керчь и окончательным присоединением к Империи Крымского полуострова...

Федотов аккуратно складывает полотенце. Стук в дверь. Он поворачивает улыбающееся лицо к вошедшему портье, показывающему почтительно склоненный пробор.

Портье. Тысячу извинений, господин Эккерт. Надеюсь, вы хорошо отдохнули?

Федотов. Превосходно. Под марш победы спится особенно хорошо.

Портье. Совершенно верно... Но, тысячу извинений, господин Эккерт... *(передает Федотову повестку)*. Вас просят зайти в полицай-президиум, Ангебургештрассе, пятнадцать. Это недалеко. *(Извиняясь.)* Конечно, какой-нибудь незначительный вопрос...

Федотов. Что ж! Это так естественно. Военное время. Кстати, у меня к вам маленькая просьба, отошлите это с посыльным.

Федотов передает портье конверт.

Портье *(разглядывает адрес)*. О!.. «Фридрих Поммер и сын»! Это такая крупная фирма в Летцене. Разрешите, я сделаю сам. Я сейчас кончаю дежурство.

Федотов. Сделайте одолжение.

Портье, кланяясь (снова виден только безукоризненный пробор), выходит из комнаты.

Федотов остается один. Легкое неудовольствие. Еле заметное напряжение. Он подходит к зеркалу, внимательно, точно впервые себя видит, осматривает свое отражение. Обводит глазами комнату — все в порядке: пижама на спинке кровати, полотенце на вешалке, флаконы и щетки аккуратно расставлены на полочке умывальника, чемодан на подставке — все в порядке.

Взгляд Федотова падает на вычищенные башмаки. Федотов морщится.

Пауза.

Медленно надевает башмаки.

Федотов выходит из отеля, прикладывая руку к шляпе в ответ на почтительный поклон портье. Пальто на руке, сигара в зубах.

Он спокойно пересекает оживленную в этот час рыночную площадь.

Отделившись от серой стены отеля, за ним неотступно следует обыкновенный человек, в скромном темном костюме. Он переходит вместе с Федотовым улицу, идет за ним по другому тротуару. Федотов выходит на широкую, оживленную Кенигсбергштрассе.

Пролетает серый Мерседес, опознавательный знак — белый прыгающий заяц. Внимательный взгляд Федотова.

Газетчик, размахивая пачкой газет, выкрикивает последние новости.

Газетчик. Речь Рейхсминистра Геббельса... Фюрер поздравляет фельдмаршала Листа... Двадцать тысяч немцев получают виллы в Крыму...

Федотов покупает ворох газет — «Ангрифф», «Берлинер Тагеблатт», «Фелькишер Беобахтер», «Локаль Анцайгер», «Летценер Цайтунг», — на ходу бегло просматривает. Насвистывая берлин-

ский «шлагер», он раскрывает последнюю страницу «Локаль Анцайгер».

Страница объявлений: Молодая девушка ищет друга, согласна в провинцию. Продажа автомобиля. Покупка холодильника. Покупка старинной мебели. Продажа коллекции старинных монет и фарфора.

Наконец, выделяется объявление:

«Продаются породистые эрдель-терьеры от Эрвина фон Гетцендорфа Люккау и Эльзы фон Эрцбергер Ранебург Гонквист. Берлин, Данцигерштрассе, 18, фрейлейн Тереза Грубер».

Но в этих строках Федотов читает адрес: «Данцигерштрассе, 18, фрейлейн Тереза Грубер».

За Федотовым неотступно следует человек в темном костюме.

Старинный тяжелый фасад. Дощечка — Данцигерштрассе, 18.

Зеркальная витрина парикмахерской «Элит». За стеклом склоненная над рабочим столиком круто завитая головка маникюрши.

Федотов идет дальше.

Человек следует за ним.

И вот Федотов скрывается за тяжелыми дверями полицай-президиума. Тоскливо и долго скрипят двери.

Скучный кабинет.

Тощий, носатый, пожилой полицейский чиновник.

Федотов, подтянув брюки на коленях, прочно сидит в жестком кресле и, улыбаясь, смотрит в налитые желчью глаза старающегося быть любезным чиновника.

Чиновник. Мы гостеприимны, господин Эккерт. Но указания свыше, есть указания свыше... В Летцене установлен особый режим.

Федотов. Ни слова больше, господин гауптман. Все, что вам будет угодно!

Чиновник. Сущие пустяки. Формальности... Если не ошибаюсь, вы приехали вчера?

Федотов. Вчера.

Чиновник. А где вы были третьего дня?

Федотов *(нежно улыбается)*. Вы бы удивились, господин гауптман *(он делает маленькую паузу, чиновник выжидательно склоняет голову)*. Я был... Но вы, надеюсь, забудете мое признание... Я был в «Розовом Павильоне». Вы знаете его местонахождение?

Чиновник *(ухмыляется)*. Что ж, мужчина всегда мужчина! Мы в Летцене не так провинциальны. Вы были в Берлине?

Федотов. Конечно.

Чиновник *(рассматривает «аусвайс» Федотова)*. Откуда вы прибыли в Берлин?

Федотов. Из Триеста.

Чиновник. Отметку «незаменимый» вам поставили в Берлине?

Федотов. В паспорте это зафиксировано. «УК» мне поставили в Берне. В нашем посольстве. Сочли мои скромные способности...

Чиновник *(перебивает)*. Когда вы отплыли из Триеста?

Федотов. Двадцать четвертого декабря, в сочельник. На пароходе «Дуче».

Чиновник. Двадцать четвертого декабря? Это совпадает с отметкой в «аусвайс». Но... *(он торжествующе наклоняется вперед)*. Дело в том, что «Дуче» не мог отплыть из Триеста двадцать четвертого. Он отплывает только по нечетным дням. Не угодно ли? Вот расписание «Ллойда Триестино». За последние пятьдесят лет ни один пароход «Ллойда» не нарушил расписания.

Федотов. Странно. У меня хорошая память.

Чиновник. Очень странно... *(и, взглянув в «аусвайс», лежавший на столе, добавляет)*... господин Эккерт.

Федотов *(спокойно)*. Но, господин гауптман... Если даже я ошибаюсь?! Неужели вы думаете, что ошиблись и уважаемые люди, поставившие эту отметку в моем документе? Нет, господин гауптман не может так думать!

Чиновник. Сейчас мы исследуем это недоразумение. Но вам придется подождать...

Федотов *(с улыбкой)*. Отлично. Все, что вам будет угодно...

Чиновник звонит, входит секретарь, выслушивает отданное шопотом приказание, выходит.

Федотов невозмутим.

Пауза.

За стеклянной перегородкой слышен приглушенный голос.

Голос. Телеграфный запрос... Срочный... *(пауза)*. Италия... Триест. Да, полицай-президиум Летцена...

Федотов спокойно и невозмутимо разглядывает ногти.

Чиновник. Вы не откажетесь пройти в соседнюю комнату? Там удобное кресло, журналы...

Федотов, кивнув головой, поднимается.

Вызывая любопытство проходящих через комнату чиновников, Федотов сидит в удобном кресле, читает старый журнал.

За стеклянной перегородкой трещит телефонный звонок.

Голоса. Шифр номер сорок три... Италия... Запрос...

Закрытая заботливой рукой дверь заглушает дальнейшее.

Федотов отмахивается от назойливой мухи.

Тишина.

Вечер. Тихая комната Нины. На стене фотография Федотова. У стола перед кипой тетрадок и книг Нина с карандашом в руке. Конец радиопередачи: «...наши войска оставили город Клин».

Тишина. Нина работает.

Сначала тихо, потом все громче и веселее свистит чайник.

Нина переводит глаза на фотографию Федотова. Чуть заметная, задумчивая улыбка трогает ее губы.

Круг настольной лампы на столе начальника.

Начальник погружен в чтение радиограммы, делает пометки карандашом. В кресле напротив заместитель.

Сотрудник передает радиограммы.

Начальник *(сотруднику)*. От кого вы еще ждете радиограммы?

Сотрудник. От сто пятнадцатого, от сто двадцать третьего. Остальные будут на связи не раньше десяти.

Начальник. Со сто восемнадцатым связь установлена?

Сотрудник. Технический обмен. Проверяли слышимость и прохождение волн. Результаты удовлетворительны.

Начальник. Сто восемнадцатый будет просить автоматы, взрывчатку, медикаменты. В Крыму сегодня тяжелый день. Проследите, чтобы

все было отправлено. И прибавьте продовольствия... Об исполнении доложите.

Он заканчивает чтение последней радиограммы, передает ее заместителю, откидывается на спинку кресла, закуривает.

Начальник. Я получил подтверждение о Николае. Он держался до последней возможности. До последней...

Заместитель поднимается, отходит в глубь комнаты, в темноту. Отвернувшись, он долго стряхивает пепел с папиросы.

Начальник. Да, нелегкие дни.

Заместитель. От Алексея ничего?

Начальник. Молчит.

Пауза.

Входит сотрудник, передает новую радиограмму.

Начальник *(сотруднику)*. Со сто шестьдесят пятой была очередная связь?

Сотрудник. Была. Алексей к ней еще не являлся.

Начальник. Так...

Сотрудник выходит.

Пауза.

Заместитель. Он уже должен быть в Летцене. Неужели провал? Он почти добрался до цели...

Пауза.

Начальник *(задумчиво рассматривает на-*

пиросу). Вот кончится эта война, и народ захочет сохранить в памяти имена героев. И будут им ставить на площадях и скверах какие-нибудь мраморные обелиски. И случайный прохожий остановится и будет читать эти имена. А вот нашим ребятам памятника поставить нельзя. Да и имена этих героев будем знать только мы с тобой, пока не затеряется их след в старых архивах. Герой-то известен, а рассказать о нем нельзя.

Заместитель. Что ж делать. Это условие нашей работы.

Начальник. И то верно! А ведь стоят наши люди памятника! Стоят!

Федотов в приемной полицай-президиума. Погасшая трубка в зубах. Усталое лицо.

Прошло уже много часов. Ночь. Входит секретарь.

Секретарь. Господин Эккерт!

Открытая дверь. Федотов неторопливо, медленно идет.

Чиновник поднимается ему навстречу.

Чиновник. Мы заставили вас ждать, господин Эккерт. Но что поделаешь?! Мы посылали запрос. Садитесь, прошу вас.

Федотов невозмутимо садится.

Чиновник *(извиняется).* Конечно, все разъяснилось. Но вы сами виноваты, господин Эккерт. Почему вы не сказали мне, что пароход задержался из-за английской подводной лодки? Ведь вы это знали?!

Федотов *(улыбается).* Знал. Но вы бы мне все равно не поверили...

Чиновник неловко мнется.

Федотов *(смеется).* А теперь вы убедились сами. Не правда ли?!

Чиновник. Мне остается только извиниться.

Федотов. Благодарю вас... Кстати, по роду моей деятельности я принужден много ездить. Потребуется ваше любезное содействие, разрешения...

Чиновник *(любезно).* Буду рад, если смогу оказаться полезным. Это не встретит никаких затруднений.

Федотов идет к двери, вдруг оборачивается с сияющей улыбкой.

Федотов. Не разрешит ли господин гауптман задать ему вопрос? Но только, если вы заранее обещаете простить мне нескромность?

Чиновник. Да?

Федотов. Эти башмаки?! *(Поднимает ногу и указывает на башмак.)* Не они ли послужили причиной интереса к моей скромной особе?

Чиновник *(вскакивает).* Что?

Федотов. Эти злосчастные башмаки уже принесли мне много хлопот. Но хорошая обувь—

моя страсть, господин гауптман. Я купил их в Болгарии, год назад. Русская кожа. И если бы вы знали, как они удобны!

Чиновник растерянно смотрит на Федотова.

Федотов, улыбаясь, кивает чиновнику, спокойно выходит.

Чиновник в полной растерянности. Злобно отмахивается от назойливой мухи.

Федотов выходит из полицай-президиума на пустынную ночную улицу. Ни души. Только часовой у подъезда.

Федотов долго идет. Оборачивается.

Улица просматривается во всю длину. Сзади никого. Слежка кончилась.

Федотов медленно скрывается в темной, длинной перспективе улицы.

Пролетает серый «Мерседес», опознавательный знак — белый прыгающий заяц.

Внимательный взгляд Федотова.

Яркий, солнечный день. Федотов входит в парикмахерскую «Элит» на Данцигерштрассе, 18. Швейцар почтительно принимает его пальто.

Федотов проходит в зал. Два кресла заняты, два свободны. Почтительный парикмахер кланяется.

Парикмахер. Прошу вас... *(нежно покрывает Федотова белой простыней, поглядев ему на*

руки, конфиденциально осведомляется). Маникюр?

Федотов *(смотрит на ногти).* Да. Кажется, уже пора...

Парикмахер *(торжественно).* Фрейлейн Тереза! *(щелкая ножницами).* Маникюр!

Подъезжает миниатюрный — никель и стекло — столик маникюрши.

Молодая, пухленькая фрейлейн Тереза со вздернутым носиком и круто завитыми волосами приветливо улыбается Федотову.

Тереза. О, господин Эккерт! Вы так давно не были. Разве можно небрежно обращаться с такими красивыми руками?

Федотов. Дела, милая фрейлейн Тереза.

В соседнем кресле — жирный бюргер. Хорошенькая маникюрша обрабатывает его короткую волосатую руку. Бюргер притягивает к себе маникюршу, шепчет. Она утвердительно кивает.

Парикмахер отходит за свежей салфеткой.

Почти повторяя жесты бюргера, Федотов привлекает к себе Терезу.

Федотов *(нежно).* Фрейлейн Тереза...

Тереза. Да, господин Эккерт.

Федотов. Надеюсь, вы не откажете пообедать со мной завтра в «Вальдензее»? Ведь вы завтра свободны? Не так ли?

Тереза. Вы это знаете?

Федотов *(смеется)*. Я прочитал в вестибюле, что завтра работает фрейлейн Инга.

Тереза *(смеется)*. Вы очень хитры, господин Эккерт *(поддаваясь настойчивому и нежному жесту Федотова)*... и очень настойчивы...

Федотов. Благодарю вас.

Он поднимает обе руки, любуясь ногтями.

Федотов звонит у дверей нарядного особняка. Медная дощечка «Фридрих Поммер и Сын».

Дверь открыта.

Перед Федотовым распахивается дверь в кабинет. Стиль «ложной готики». Резьба. Витражи. Безделушки.

У письменного стола, в кресле для паралитиков — Поммер. Его тучное тело прикрыто клетчатым пледом.

Федотов. Господин Поммер?

Поммер кивает.

Федотов. Гейнрих Эккерт, представитель «Виртшафтлихе Централе ин Остен» в Цюрихе.

Поммер. Я получил ваше любезное письмо.

С неожиданной легкостью, лавируя между письменным столом и массивными креслами, он подкатывает свое кресло к креслу Федотова.

Федотов. Надеюсь, вам известен масштаб операций фирмы, которую я имею честь представлять, и мне не будет нужды...

Приступ кашля Поммера надолго прерывает беседу. Обильные слезы текут по отвислым щекам.

Федотов *(несмотря на то, что клокот в груди Поммера угрожает прервать разговор)*. «Виртшафтлихе Централе» заинтересовалась Восточно-Прусским рынком. Но вы понимаете, мы не можем здесь обойтись без дружеской и деловой помощи. Мы могли бы осуществить любые широкие операции. Но, разумеется, придется воспользоваться деловыми связями и превосходной репутацией вашей фирмы, чтобы...

Глухой рокот в груди Поммера заставляет Федотова замолчать, но Поммер вместо того, чтобы закашлять, начинает жалко чихать.

Открывается дверь.

Тощая и жилистая фрау Поммер входит с подносиком, на котором бутылка микстуры и стакан молока.

Федотов поднимается.

Фрау Поммер кивает.

Пытаясь сдержать кашель, Поммер бессмысленно уставился глазами в одну точку.

Фрау Поммер *(деловито протягивает микстуру)*. У тебя сегодня отличный цвет лица, Фридрих.

Поммер *(иронически)*. Превосходный! *(Принимая лекарство,— Федотову.)* Мучают жена и врачи.

Фрау Поммер *(поправляет сползший плед, жеманно)*. О, Фридрих!

Поммер *(выпивает лекарство)*. Я понимаю суть вашего предложения. Но... Мне нужно обдумать. Кроме того, я не один... *(Раздраженно фрау Поммер)*. Где Вилли? Почему он не вышел сегодня к завтраку?

Фрау Поммер. Опять ночная работа. Бедный мальчик.

Поммер. Знаю я эту ночную работу! Когда я спрашиваю, чем он занят,— он отвечает, что не может раскрывать государственных тайн даже отцу. «Его отец — фюрер». А когда ему нужны деньги, его отец — я, Фридрих Поммер!

Фрау Поммер *(делает знаки Поммеру, пытается смягчить впечатление)*. Для родителей дети всегда дети, как бы они ни выросли. Твое молоко, Фридрих?

Поммер *(выпивает молоко)*. Что я говорил? Да, я говорил, что хочу обдумать...

Неожиданно за спиной Федотова распахивается тяжелая портьера. Федотов оборачивается. Перед ним стоит гауптштурмфюрер СС.

Снова закашлявшийся Поммер хочет что-то сказать, машет рукой. Наконец, припадок окончен.

Поммер. Мой сын Вилли... Господин Эккерт, представитель фирмы «Виртшафтлихе Централе ин Остен» в Цюрихе...

Рукопожатие. Федотов дружелюбен. Вилли насторожен.

Фрау Поммер *(с гордостью)*. Наш сын — адъютант группенфюрера фон Руммельсбурга.

Федотов. Это честь для семьи.

Вилли наливает из сифона содовую воду. Жадно пьет. На его лице следы бессонной ночи.

Поммер *(неодобрительно)*. В твои годы, Вилли, я пил по вечерам содовую, а утром — кофе.

Федотов почти откровенно рассматривает отца и сына.

Полосатые тенты над столиками загородного ресторана «Вальдензее». Музыка.

Ложа. Полупьяная компания: Вилли, Федотов, офицер, остекляневший от пьянства, офицер с лошадиным лицом. Две девицы. Одна прижимается к Федотову, другая клонится на грудь Вилли. Плечо Федотова дружески касается плеча Вилли.

Федотов. ...в это время стучит муж. «Спасите мою честь!» — говорит дама. Он бросается к окну. Распахивает! В ужасе отшатывается! «Какой этаж?»— «Тринадцатый!— толкая его, говорит она.— Но сейчас не до суеверия!»

Общий хохот. Остекляневший офицер аплодирует.

Девица *(еще теснее прижимается к Федотову)*. Я живу на одиннадцатом!

Федотов. Благодарю вас.

Они чокаются.

Девица *(торопясь уйти, кричит.)*. Счет!

Метрдотель подает счет Вилли. Мгновенная неловкая пауза, которую как бы не замечает занятый девицей Федотов.

Вилли пытается разбудить офицера с лошадиным лицом, но тот только мычит. Остекляневший офицер так внимательно разглядывает на свет игру хрустального бокала, что совершенно ясно: у него нет денег.

Федотов замечает происходящее и незаметно сует кредитки в карман Вилли.

Вилли *(тихо)*. Опять?

Федотов *(тихо)*. Пустое.

Вилли. Проклятый старик. Он ставит меня в неловкое положение. В конце концов я не школьник, выпрашивающий несколько марок на воскресный пикник.

Федотов. Будьте почтительны к родителям, Вилли! Будь у него больше денег, он охотнее бы раскошеливался... И я глубоко уважаю вашего отца. Он — знаток дела. Но... он пропускает редчайший случай. Сейчас выигрывают быстрота, напор, молодая энергия... Мимо него плывут миллионы, но он никогда их не получит, а следовательно, вы их не получите. Жаль!

Вилли *(настораживается)*. Почему?

Федотов *(разводит руками)*. Как вам объ-

яснить? Я хотел предложить ему одно дело, но... отказался от этой идеи. Боюсь, он не способен понять ее широту и размах. Он — коммерсант прошлого века. Тогда наживали деньги медленно, основательно. А пришли новые времена!

Вилли. Скажите мне!

Федотов. Зачем? Я твердо решил ограничиться кругом дел, которые мы наметили.

Вилли *(злобно)*. В конце концов я компаньон фирмы!

Федотов *(не слушая)*. Вы знаете, что такое миллионы? *(Презрительно.)* Деньги?.. Нет! *(Патетично.)* Миллионы — это власть! Власть над равными.... Не власть над жалкими рабами, которых мы сейчас завоевываем, а власть над их господами!

Вилли *(злобно)*. Скажете вы мне, наконец?

1-я девица. Что они там шепчутся?

Вилли. Вы зайдете завтра к нам? Домой?

Федотов. Зачем?

Вилли. Будет серьезный разговор с отцом. *(Федотов пожимает плечами.)* Я не шучу. Чорт возьми, времени мало. Я уезжаю через два дня.

Федотов. Вот как? Куда?

Вилли. Это не имеет отношения к вашей свинине.

2-я девица. Это, наконец, невыносимо! Может быть, нас пригласили на заседание Рейхстага?!

1-я девица. Едемте к Шпигелю! К Шпигелю! *(Кричит.)* К Шпигелю!

Остекляневший офицер оживляется. Просыпается офицер с лошадиным лицом.

Вилли. Поедемте... Договорим по дороге.

Федотов *(проводит рукой по лбу)*. Нет, не могу... Я уже готов...

1-я девица *(обиженно)*. Как? Гейнрих, вы обещали!

Федотов *(имитирует опьянение)*. Нет, не сегодня.

Девица, обидевшись, отворачивается, повисает на руке офицера с лошадиным лицом.

Федотов, пошатываясь, идет за остальными, сопровождаемый почтительными поклонами официантов.

Он отстает. Шумная компания скрывается в аллее. Федотов провожает их глазами и, не спеша, уходит под тенистые деревья парка.

Над озером густые тени.

Федотов и фрейлейн Тереза идут по темной аллее, тесно прижавшись друг к другу. Останавливаются у воды. Глухо доносятся синкопы оркестра. Федотов снимает шляпу, всей грудью вдыхает вечернюю прохладу.

Федотов. Ароматный воздух, музыка, прекрасная девушка рядом — что еще нужно мужчине?

Тереза *(пылко)*. Да, да...

Федотов *(обнимает ее плечи, тихо)*. Что нового, Лиза?

Тереза *(быстрый любовный шопот)*. Хозяева благодарят за сведения. Очень интересуются Кюном. Повторяю, особое внимание Кюну... Известно, что после инспекционной поездки на юг он выехал для доклада... Деньги высланы. Агентура сообщает: машины с указанным вами опознавательным знаком — прыгающим зайцем — замечены в районе Винницы. Ответьте — не имеет ли отношения к вашему сообщению о переезде «волчьего логова». На случай, если понадобятся явки в Виннице — Первомайская, три, слесарь Гринчук... Киевский шлях, двадцать семь, Пилипенко. Часовой мастер. Пароль для связи: «У вас продается славянский шкаф? Шкаф продан, могу предложить никелированную кровать. С тумбочкой? С тумбочкой». Берегите себя. Все.

Федотов. В районе Винницы? *(Замолкает. Огромная сосредоточенность в этом молчании.)* В районе Винницы?! Совпадает. Передайте: в связи с имеющимися сведениями о переезде «волчьего логова» особое значение имеют места появления машин с белыми зайцами... Срочно информируйте. От этого зависит срок операции. Кюн уехал в очередную инспекционную поездку. Пока недосягаем. Надеюсь приблизиться. Задачу затрудняет дружба Руммельсбурга с Кюном, од-

нако надеюсь использовать и это. Организую совместно с Поммером большое коммерческое предприятие. *(Улыбаясь своей мысли.)* Боюсь, что эта фирма разорится.

Тереза улыбается.

Звук приближающихся шагов заставляет Терезу тесно прижаться к Федотову.

Фрау Поммер, изогнувшись, подслушивает у двери в кабинет мужа. Знакомый кашель, потом голос Поммера.

Деловой разговор в разгаре... Поммер взволнован, Вилли пьет коньяк, нервно курит. Федотов невозмутим.

Поммер. Но, господин Эккерт, у вас сложилось неверное представление обо мне. Если вы только окажете мне честь, маленькое доверие...

Федотов. Вы заблуждаетесь, дорогой господин Поммер. Я испытываю глубокое уважение к вашим деловым методам и глубочайшее уважение к вам лично.

Он обрывает фразу и ставит точку именно там, где, казалось бы, должно следовать продолжение. Поммер и Вилли напряженно ждут. Федотов молчит.

Поммер. Я не колеблясь представил в ваше распоряжение мои деловые связи. Имя фирмы «Поммер»...

Федотов. Под солидные гарантии.

Поммер. Не спорю. Но неужели, расширяя дело, вы хотите забыть обо мне?

Федотов *(изумлен)*. Кто вам сказал, что я расширяю дело?

Поммер *(взглянул на сына)*. Но мне казалось?! Вилли?

Вилли *(вскакивает)*. Вы!.. *(старается сохранить спокойствие)*. В конце концов я тоже что-нибудь значу. Не только *(передразнивает)* «Фирма Поммер». Не забудьте, Эккерт, что я тоже могу быть полезен.

Поммер. Несомненно, положение Вилли может содействовать. И я, со своей стороны, если только...

Вилли. Опять «если»! Опять эти проклятые оговорки!

Федотов. Не надо волноваться, Вилли.

Поммер. Я готов довериться вам. Я рискую всем. Именем фирмы!

Федотов пожимает плечами.

Вилли. Вы должны открыть свои карты, Эккерт!

Федотов. Но я ничего не предлагал...

Поммер *(торопливо заглаживает глупость Вилли)*. О, о... Но, господин Эккерт, я только прошу вас вспомнить, что мы ваши искренние друзья и помощники.

Федотов *(неохотно)*. Призыв к дружбе — священный призыв! Но... видите ли, я сам не-

сколько охладел к этому предприятию, хотя оно необозримо по своим результатам. Речь идет о монополии. *(Он оглядывает отца и сына.)* Да, о монополии на всю украинскую щетину. Почти половина мировой продукции щетины падала на Россию. Но рынок был закрыт для нас, и мы были вынуждены обращаться в Китай, хотя это сырье хуже русского. Теперь рынок открыт. Это, конечно, не столь красиво звучит, как монополии на железо или на уголь, но..

Поммер *(восхищен)*. Превосходно!

Федотов. Но.... Это потребует поездки на Украину. А мне надоела эта собачья жизнь, эти третьесортные отели, эти опасности, русские партизаны....

Вилли *(торжественно)*. Что вы скажете, если я гарантирую вам помощь адъютанта группенфюрера Эриха фон Руммельсбурга? Я еду на Украину через два дня. И вы едете со мной. Для удобства вас зачисляют виртшафтофицером.

Поммер *(указывает пальцем на Вилли)*. Вот!

Федотов *(в раздумье)*. Это нужно взвесить, подумать.

Вилли *(зло, нетерпеливо)*. Может быть, вам недостаточно, что вас будет охранять вся «Служба безопасности»?!

Ночь. Лагерь. Колючая проволока. Немецкий часовой. Удар ножа. Бережной снимает часового.

Три фигуры — Астахов, Бережной, третий — пленный.

Переползают под колючей проволокой, разрывая землю руками.

Ров, полный воды.

Перебрались.

Бегут.

Бегут из последних сил, до хрипоты, до изнеможения.

Кусты, раздирающие в кровь лицо и руки.

Падения, подъемы.

Все дальше и дальше в чащу кустов.

Тихая провинциальная Винница. Русские вывески перемежаются с немецкими плакатами. Часовые у больших зданий. Флаги.

Пролетает серый «Мерседес», опознавательный знак — белый прыгающий заяц.

По улице идет Бережной в потрепанном костюме мастерового. В руках сапожные колодки.

Вилли Поммер сидит за столом в комнате дощатой дачи. Соломенные кресла, садовый столик. Блокнот на столе. Перед ним Бережной с сапожными колодками в руках.

Бережной. Потом Гринчук... Слесарная мастерская, Первомайская, три... Другие адреса... Киевская, двадцать девять, Василенко... Опять же, Житомирская, восемнадцать, Петров, Шев-

ченко, сорок девять — Васильев, Киевский шлях— Пилипенко. Дом забыл... найду...

Вилли записывает.

Шарфюрер СС и трое солдат, стуча сапогами, поднимаются по лестнице.

Лицо провокатора Бережного.

Мелькает лицо пленного, бежавшего с Бережным из лагеря.

Разгромленная комната, следы обыска.

Бережной.

Выломанная дверь. Разбитое стекло витрины часовщика Пилипенко.

Лицо Бережного.

Вывеска слесарной мастерской Гринчука.

Бережной.

Тюремная машина с арестованными въезжает за колючую проволоку лагеря.

По улице Винницы, не спеша, идет Бережной. Сапожная колодка в руках.

Навстречу ему мчится «Мерседес», опознавательный знак — прыгающий заяц.

В машине Федотов и Вилли. Федотов в форме виртшафтофицера — погоны капитана.

Машина притормаживает у двухэтажного особняка, окруженного усиленной охраной.

Вилли *(выскакивает из машины)*. Здесь нет хорошего отеля, но я приготовил для вас лучшее,

что можно было раздобыть. *(Шоферу.)* Отвезите капитана Эккерта.

Небрежно козырнув часовым, Вилли поднимается по ступенькам.

Виртшафтофицер капитан Гейнрих Эккерт прогуливается по улицам Винницы. Небрежно козыряет попадающимся навстречу солдатам, почтительно тянется перед старшими по чину. Останавливается на перекрестке, пропуская быстрый серый «Мерседес», и провожает коротким взглядом опознавательный знак машины.

Дощечка на углу улицы — «Первомайская». Дом номер три. Издали видна фантастически расписанная вывеска. Два лягушачьего вида велосипедиста держат в руках колоссальный примус. Над велосипедистами затейливая надпись «Слесарная мастерская О. Гринчук».

Федотов приближается. Витрина мастерской зашита досками. Сломанная дверь поперек приколочена гвоздями. Печать на двери.

Спокойным шагом хозяина идет по улице виртшафтофицер капитан Гейнрих Эккерт.

Киевский шлях. Часовщик Пилипенко— следы разгрома. Идет Гейнрих Эккерт.

В кабинете группенфюрера Руммельсбурга смешение обстановки, привезенной из Германии, и украинских «раритетов». Адъютант генерал-лей-

тенанта Кюна стоит навытяжку. Перед Руммельсбургом раскрытый ящик, в котором любовно уложены бутылки с четкими этикетками «Донские выморозки».

Руммельсбург *(держит в руках бутылку, ворчливо)*. Что это такое?

Адъютант *(с улыбкой)*. Генерал приказал передать вам, что это казачье вино, название которого напоминает о русских морозах, не хуже «Старого венгерского».

Руммельсбург. Кюну, значит, понравилось это вино? И часто он его пьет?

Адъютант молчит.

Руммельсбург. И, конечно, пьет не один? И, конечно, каждую ночь новые девчонки! *(Повышает голос.)* Вы понимаете, что каждое слово генерала, сказанное не только на яву, но даже во сне,— добыча для любой разведки, особенно русской?!

Адъютант. Я стараюсь соблюдать осторожность.

Руммельсбург. Штатский ответ. Я послал вас туда для того, чтобы ни один посторонний человек не проник к генералу. За это вы будете отвечать! Идите!

Адъютант выходит.

Оставшись один, Руммельсбург погружается в работу. Шарканье бесчисленных ног за окном привлекает его внимание.

Длинная вереница понурых, усталых людей движется по широкой улице.

Проплывает большой плакат: «Мы едем в Германию».

Лязг оружия, короткие немецкие окрики.

Бесконечная вереница людей.

Руммельсбург отходит от окна.

Звонок.

Входит Вилли.

Руммельсбург. Запишем депешу, Поммер. «Имперскому руководителю СС рейхсфюреру Гейнриху Гиммлеру. Почтительно докладываю. Операция «Адлер». Последовательное осуществление ранее намеченных мероприятий позволило ликвидировать угрозу террористической и разведывательной деятельности русских в районе «Особой зоны». Двадцать шесть человек расстреляны на месте, восемнадцать этапированы в лагерь Матхаузен. Четверо подвергаются усиленному допросу. Зону «Вольфшанце» можно считать тщательно санированной. Для контроля над возможными попытками возобновления деятельности русской агентуры оставлены на свободе три участника организации, в числе которых мой доверенный человек. Из других мер позволю себе обратить ваше внимание на следующее: до полной ликвидации оперирующих в радиусе до трехсот километров от «Зоны» партизанских групп мною установлено строгое наблюдение за воз-

можными районами выброски русских парашютистов. Организованы ложные посадочные площадки, используется та же сигнализация, которую применяют партизаны,—костры...» *(Задумчиво к Вилли.)* Надеюсь, теперь птица и полевая мышь тоже не проникнут сюда без моего разрешения. Как вы думаете, Поммер?

Вилли *(почтительно)*. Да, экцеленц.

Руммельсбург улыбается, отходит к окну.

Во всю длину улицы идут люди. Не видно конца этого шествия.

Руммельсбург. «Отмечаю полезность агента Бережного. Ходатайствую о награждении бронзовой медалью с мечами первого класса для Востока». *(Ловит взгляд Вилли.)* Удивлены? Этот Бережной окажет нам еще не одну услугу. Правду сказать, я горжусь этой операцией... Зашифруйте личным шифром рейхсфюрера. Ленту уничтожьте сами.

Медленно бредет вереница людей, с трудом переставляющих ноги.

Маленькое окно раскрыто настежь. У окна — Федотов с сигарой в зубах. В открытое окно врываются шарканье ног, лязг оружия, короткие окрики. Проплывают лица девушек, мужчин, женщин.

Девушка с упрямым лицом, чем-то напоминающая Нину, бросает злобный взгляд на стоящего в окне немецкого офицера. Шарканье ног. Идут... Идут...

Голос Федотова. Я дерусь за вас, как и каждый солдат там, на переднем крае... Но о них вы думаете с любовью и надеждой, а на меня смотрите с ненавистью, как эта девушка, которая так похожа... Но я делаю все, что могу...

Федотов отворачивается, отходит, садится в кресло, сжимая в зубах сигару. На столе вино, баночка с вареньем.

Голос Федотова. Я не думаю о тебе, Нина. Я не буду о тебе думать. Думать о тебе, любить тебя может человек, сердце которого полно обыкновенными, милыми человеческими делами... Я думаю о Руммельсбурге. Я думаю о нем беспрестанно. Днем... ночью... Он, конечно, противник. Он предупредил мое появление. Он понимал, что я появлюсь. Сейчас его игра. Но он не знает еще, что я здесь... и это мой шанс. Он все-таки парализовал меня. У меня нет связи с центром. Связь... связь... чего я стою, если у меня нет ее? Связь... связь... Что ж, будем думать о связи. Только об этом и ни о чем другом.

Он сидит в кресле. Погасшая сигара в зубах. За окном шарканье ног.

По тротуару, навстречу веренице людей идет человек в темном пиджаке, в галстучке ленточкой. Останавливается.

Табличка: «Виртшафтлихе Централе ин Остен. Представительство на Украине. Гейнрих Эккерт».

Федотов сидит у стола с сигарой, зажатой в зубах.

Робкий стук.

Федотов *(недовольно)*. Да...

Человек в темном пиджаке — Медведев *(боком пролезает в дверь)*. Извинения прошу! Разрешите войти?

Федотов. Вы уже здесь. Не теряйте времени.

Медведев. Слушаюсь! Отниму буквально одну минуту! Чтобы не вызвать сомнений, прошу ознакомиться!

Федотов раскрывает конверт, который ему протянут.

«Дорогой друг, для русского письмоводства посылаю человека, о котором вы говорили. Можете на него положиться. Предан нам, как собака, хотя бы потому, что русские повесят его на первом попавшемся дереве, не говоря о том, что то же самое можем сделать и мы.

Вилли Поммер».

Федотов *(внимательно разглядывает морщинистое, умиленное лицо)*. У вас солидные рекомендации. Хотите работать?

Медведев. Жажду служить! Интеллигентный человек не может отказать себе в счастье послужить Великой Германии!

Федотов. Похвально. Проверим. Имя?

Медведев. Медведев! Ипполит! К вашим услугам!

Федотов. Завтра в восемь часов на работу.

Медведев. Благодарю вас! Благодарю! Не могу ли я спросить...

Федотов. Условиями останетесь довольны.

Медведев, пятясь, отходит к двери.

Федотов. Погодите. Работать начнете сегодня *(передает пакет)*. Сдайте его на почту. И денежный перевод.

Медведев. Польщен доверием! Вернуться обратно, доложить?

Федотов. Нет. В почтамт будете ходить вечером, отчет утром.

Медведев. Слушаюсь!

Выползает за дверь.

Лицо Федотова остается невозмутимым. Движения неторопливы. Он наливает полный стакан вина, выпивает залпом, раскуривает погасшую сигару, с отвращением отплевывается, швыряет ее и откидывается на спинку кресла.

Медведев выходит из дома, аккуратно прикрывает калитку. Отдалившись, он раскрывает

плохо заклеенный конверт, который ему дал Федотов.

«В контору газеты «Летценер Цайтунг». Прошу принять объявление: «Фридрих Поммер и Гейнрих Эккерт (отделение на Украине) принимают заказы на изделия из украинской щетины. Выполнение быстрое и аккуратное».

Медведев с умиленной улыбкой читает длинный текст объявления.

Утро в Летцене. Метельщики. Сонный швейцар парикмахерской «Элит» протирает оконные стекла. Фрейлейн Тереза Грубер спешит на работу, останавливается на углу подле газетчика.

Газетчик. Хорошие новости, фрейлейн. Наша непобедимая армия опять взяла большой русский город. Как всегда «Летценер Цайтунг»?

Тереза. Да, разумеется.

Она вручает монетку. Спеша по длинной Данцигерштрассе, Тереза проглядывает первую страницу газеты, вторую. Доходит до объявления, читает, с трудом справляясь с собой

«Фридрих Поммер и Гейнрих Эккерт (отделение на Украине) принимают заказы на изделия из украинской щетины. Выполнение быстрое и аккуратное. Цены вне конкуренции. Работающим для вооруженных сил германским фирмам предпочтение».

Через текст наплывает расшифровка.

«Явки провалены. Срочно нуждаюсь связи, деньгах. Жду радиста каждый первый, третий вторник кинотеатре «Арс», третий фонарь, от семи до семи с половиной».

На столе начальника лежит текст расшифровки.

В кабинете заместитель и молодой лейтенант, одетый в немецкий солдатский мундир.

Начальник говорит по телефону.

Начальник. Да, хорошие новости. Отчего же? Может быть, скоро вернется... Что передать? *(Смеется.)* Так и сказать? Хорошо. Здоровы? Тоже хорошо. Скучаете и беспокоитесь? Ну, это он и сам знает. *(Смеется.)* Я тоже так думаю. До свиданья.

Нина медленно опускает трубку на рычаг телефона. С ее лица сходит напускное оживление. На стене — улыбающийся Федотов.

Аэродром. Лейтенант в летнем комбинезоне поверх немецкого мундира, с парашютом за спиной садится в самолет.

Старт.

Самолет в воздухе.

Ночь. Самолет ложится на крыло. На земле точки костров. Пилот поднимает руку. Лейте-

нант, которого мы видели в кабинете начальника, вылезает из кабины и камнем падает вниз.

Руммельсбург и доволен и раздосадован. Перед ним в напряженной позе обершарфюрер СС.

В стороне — Вилли.

Руммельсбург. Но вы нашли при нем радиопередатчик?

Обершарфюрер. Да, экцеленц.

Руммельсбург. Значит, он шел для связи?

Обершарфюрер. Да, экцеленц.

Руммельсбург. К кому он шел на связь?

Обершарфюрер. Я задал этот вопрос.

Руммельсбург. Ну?!

Обершарфюрер. Он молчит, экцеленц!

Руммельсбург *(тихо)*. Задайте ему этот вопрос еще раз, и пусть он заговорит.

Обершарфюрер. Слушаю!

Руммельсбург. Выжать из него все! Выжать! *(Он кивком отпускает обершарфюрера, раздумывает.)* Организуйте мне свидание с Бережным.

Кино «Арс». Толкотня. Немецкие солдаты, визгливые девки, торговцы сигаретами, дешевой карамелью. Объявление: «Сегодня, во вторник, перемена программы. Парад германских

войск в Краснодаре. Фельдмаршал Роммель вступает в Эль-Аламейн». Под цветистым плакатом, на котором застыла с улыбкой каменной Валькирии Марика Рокк, проходит Федотов в потертом пиджаке, в украинской вышитой рубахе, неуклюже ступая ногами в стоптанных солдатских башмаках. Обыкновенный человек зоны оккупации — униженный и боязливый. Он трусцой пробирается мимо кино, минует один, второй, третий фонарные столбы. Короткий взгляд на уличные часы — семь часов двадцать минут.

Из кино выходит толпа посетителей. Люди проходят в молчании.

Улица пустеет.

Снова, по другой стороне улицы, проходит неторопливо, усталой походкой Федотов. У фонаря нет никого. Он удаляется, медленно, ковыляя.

Исподлобья смотрит вперед, и на одну секунду сквозь маску обывателя проглядывает настоящее лицо Федотова.

Прямо на него в полной форме обершарфюрера СС с «Железным крестом» на груди идет человек с маловыразительным лицом и острыми глазами. Мы видели его в Москве, одетым в красноармейскую гимнастерку, небритого и грязного, тогда он звался Карповским.

Они видят друг друга одновременно. Они одновременно узнают друг друга.

Между ними пятнадцать шагов.

Короткий взгляд Федотова — кругом немецкие солдаты. Офицер с большим догом. Ни одной дыры, куда можно нырнуть.

Между ними десять шагов.

Штюбинг не торопится, он видит — Федотову не уйти.

На лице Штюбинга почти дружелюбная усмешка. Федотов идет прямо на него.

Голос Федотова *(напряженный, ровный, монотонный — отражение его мысли)*. Узнал... Бежать?.. Бессмысленно... Найти выход раньше, чем он поднимет шум. Найти выход раньше. Раньше...

Улыбающийся Штюбинг.

Федотов.

Вот они сближаются, подходят друг к другу.

Подошли.

И Федотов улыбается.

Штюбинг *(словно собирается заключить Федотова в объятия)*. Какая встреча! Недаром меня называют счастливчиком. Господин Алексей, если не ошибаюсь? Правда, у меня хорошая память?! Но, я вижу, вы улыбаетесь?

Федотов. Мне понравилось ваше упоминание о памяти.

Штюбинг *(хмурится)*. Вам недолго придется говорить загадками. Пойдемте.

Он преувеличенно деликатно берет Федотова за локоть.

Федотов *(с охотой)*. Пойдемте.

Идут. Штюбинг не торопится.

Штюбинг. Как разведчик разведчику скажу вам — мне нравится ваше хладнокровие. Понимаете, что проиграли, и готовы платить.

Федотов. Конечно. За мысль, которую вы мне подали, Штюбинг, я готов заплатить сколько угодно.

Штюбинг *(резко)*. Откуда вы знаете мое имя?

Федотов *(доверительно)*. Как разведчик разведчику скажу вам — вы болван, Штюбинг. Какой профессионал задал бы этот вопрос?

Штюбинг *(насмешливо)*. О, уверяю вас, что вы ответите на все вопросы, которые вам зададут. А вам, конечно, известно не мало.

Федотов. Много. Мне, например, известно, за что вы получили «Железный крест».

Штюбинг *(улыбается)*. Можете считать, что я уже получил следующий.

Федотов. За меня вы много не получите.

Штюбинг. Вы слишком скромны. За вас я получу крест «Первой степени», чин гауптштурмфюрера и... славу.

Федотов. Ну, до этого далеко.

Штюбинг *(смеется)*. Всего десять минут ходьбы.

Федотов *(спокойно)*. Мне хватит пяти. Следовательно, мы остановимся на полдороге.

Несмотря на очевидное преимущество своего положения, Штюбинг чувствует, что инициатива переходит к Федотову, и становится резок.

Штюбинг. Довольно валять дурака! В «СД» вы заговорите по-другому!

Федотов *(успокаивает)*. Хорошо, хорошо, не нервничайте. Помните, еще мой хозяин советовал вам лечить истерию. А он, если вы помните, очень дельный человек.

Штюбинг. Хватит!

Федотов. Но нам итти еще восемь минут. И вы не дослушали мой рассказ о том, как вы получили этот «Железный крест».

Штюбинг *(останавливается)*. Что вы хотите этим сказать?

Федотов *(не отвечает на вопрос)*. Но если вы этого не хотите, я расскажу вам о том, как вы его потеряете... Почему вы остановились?

Штюбинг. Довольно! Все равно не выкрутитесь.

Федотов. Почему вам взбрело в голову стать разведчиком? У вас нет элементарного умения разгадать ход противника.

Штюбинг *(тупо)*. Какой ход?

Федотов. Вы замечаете — мы все время стоим на месте. На нас обращают внимание...

Штюбинг испуганно оглядывается.

Федотов *(повелительно)*. Пойдемте.

Идут.

Штюбинг *(пытается взять реванш)*. Знаете, чем вы рискуете?

Федотов. Ровно ничем.

Штюбинг *(насильственно смеется)*. Вы так думаете? Почему?

Федотов. Потому, что вы трус *(он пристально смотрит на Штюбинга)*. Вы хвастали хорошей памятью, а забыли о многом. Не помните? Я вам напомню. Разве не вы говорили, что Руммельсбург не любит предателей?

Штюбинг отдергивает руку, которой он держал Федотова.

Штюбинг. Что?

Федотов. Если это неправда, вам нечего волноваться, и Руммельсбург спокойно выслушает рассказ о провале своей старой, испытанной довоенной агентуры. И о том, как вы выдали Кройзинга, Мюллера, Шихматова, Бауэра... Словно сейчас я слышу, как вы говорите: жить... жить... только жить! *(Он ударяет Штюбинга по плечу.)* Нет, Штюбинг, вы напрасно хвастали памятью. Вы забыли о том, что сорвали превосходно задуманную операцию Руммельсбурга. *(Пауза.)* Насколько я знаю его, по вашему описанию, он повесит вас, не задумываясь. Может быть, даже раньше, чем меня...

Штюбинг *(внезапно улыбается)*. Вы меня неправильно поняли.

Федотов. Разве?

Штюбинг. Я готов помочь вам исчезнуть.

Федотов. Зачем? Этот город мне нравится.

Штюбинг. Я прошу вас уехать.

Федотов *(резко)*. Не ваше дело. Мне нужна точная информация. Кто виноват в провале подпольной организации?

Штюбинг. Не знаю.

Федотов. Вы рискуете, Штюбинг. Мне нужна правда. *(Штюбинг молчит.)* Идите...

Он подталкивает Штюбинга и тот машинально делает несколько шагов и останавливается.

Штюбинг. Был провокатор.

Федотов. Кто?

Штюбинг. Клянусь честью, не знаю. Разработку ведет сам группенфюрер.

Федотов. Провокатор остался?

Штюбинг. Не знаю.

Федотов. Все участники организации арестованы?

Штюбинг. Все. Кажется, все. *(Смотрит в глаза Федотова и понимает, что придется договорить.)* Случайно знаю, что остались три человека.

Федотов. Имена?

Штюбинг. Не знаю.

Федотов. Вы узнаете. И получите за это деньги. Гораздо больше, чем вам платит Руммельсбург.

Штюбинг *(покорно)*. Как вам передать?

Федотов *(с холодной издевкой)*. Кино «Арс». От семи до семи с половиной. В будущий вторник. Теперь повернитесь спиной. И не оборачивайтесь. *(Штюбинг повинуется.)* И не вздумайте шутить. Если со мной что-нибудь случится, московские показания обязательно попадут в руки группенфюрера фон Руммельсбурга. До свидания...

Штюбинг. Неужели вы останетесь здесь?

Он ждет ответа. Молчание. Штюбинг медленно поворачивается. Никого нет.

На фронтоне кино «Арс» сменились плакаты.

«Вторник — полная перемена программы. Имперский флаг на Эльбрусе. Новая картина с участием Вернера Крауса».

У третьего фонаря, справа от входа, обершарфюрер Штюбинг ждет, смотрит на часы. В толпе, выходящей после очередного сеанса, появляется Федотов, в сером костюме и шляпе; он изменил внешность. Закуривает. Штюбинг небрежно останавливает его знаком. Федотов, умильно улыбаясь, протягивает ему коробку спичек. Штюбинг долго копается в коробке, закуривает, возвращает Федотову спички.

В конторе «Виртшафтлихе Централе ин Остен» Медведев двумя пальцами печатает на машинке.

Входит Федотов. Медведев вскакивает, кланяется, сгибаясь пополам, заискивающе улыбается.

Пройдя к себе в кабинет, Федотов тщательно закрывает дверь. Достает из спичечной коробки записку, вложенную Штюбингом.

Входит Медведев.

Медведев. Корреспонденция, господин Эккерт!

Федотов. Пытались познакомиться?

Медведев. Не заслужил. Поверьте, господин Эккерт, безгрешен! Никогда!

Федотов *(принимает папку с письмами)*. Запомните! Людьми, проявляющими излишнее любопытство, интересуется «Служба безопасности».

Медведев *(вдруг приходит в восторг)*. Не верите? И правильно! Нельзя нам, подлецам, верить! Не заслужили! Народ развращен до мозга костей! Не исправить столетиями! Специально мечтал иметь беседу... *(подходит ближе, конфиденциально)*. Господину гауптштурмфюреру Поммеру хотел сообщить... Не рискнул... Оробел...

Федотов. К делу.

Медведев *(торопливо)*. Минута. Льщу себя надеждой — имеет значение. Мысли! Наблюдения! Выводы! Именно о доверии! Мечтаю предостеречь, предотвратить! *(Говорит еще торопливее.)* Чрезвычайную мягкость к населению могу

объяснить незнанием местных условий! Европейский ум не может вообразить! Все прогнило насквозь! Взяты заведомые коммунисты, евреи! Мало! Сотни неопознанных! Знаю!

Федотов *(заинтересован)*. Вижу настоящее усердие.

Медведев *(восторженно)*. Похвала? Мне? Счастлив!

Федотов. Приготовьте списки. И ни с кем не смейте говорить.

Медеведев. Слушаю!

Громкие шаги. Веселый голос. В кабинет входит Вилли Поммер.

Вилли. Я вас слушаю, Эккерт. Зачем вы меня вызывали?

Федотов *(сухо)*. Садитесь! *(Медведеву)*. Можете итти, только не подслушивайте за дверью.

Вилли. Неужели он позволяет себе? Скажите об этом мне!

Медведев вбирает голову в плечи, быстро выходит, притворив за собой дверь.

Федотов. Вы знаете, какой сегодня день, Вилли?

Вилли. Разумеется.

Федотов. А вам известно, что очередной взнос господина Поммера должен был последовать десять дней назад, в воскресенье. А сегодня, если я не ошибаюсь, вторник...

Вилли. Это не похоже на старика...

Федотов *(сухо)*. Ничего не могу сказать о сходстве. Я не психолог, я коммерсант. И для дела мне нужны не слова, а деньги.

Вилли *(теряет развязность)*. Я немедленно дам ему знать.

Федотов. Прошу вас. Я не хочу сокращать масштаб операций из-за недопустимых задержек. И если господин Поммер считает, что предприятие ему не под силу...

Вилли. Глупости. Все будет ликвидировано в ближайшие дни.

Федотов *(сухо)*. Надеюсь.... *(резко меняет интонацию)*. Все-таки я стараюсь сделать вас миллионером, Вилли. Сигару? Стакан вина?

Вилли *(облегченно вздыхает)*. Фу, мне показалось, что вы хотите с нами поссориться... И это как раз, когда мне крайне необходимо... *(он подмигивает)*. В счет будущих доходов.

Федотов *(улыбаясь)*. Опять играли? Пишите расписку.

Вилли. Вот это настоящий друг! *(Берет пододвинутый ему листок бумаги)* Сколько?

Федотов протягивает деньги. Вилли аккуратно пересчитывает, улыбается, пишет расписку. Федотов, прищуриваясь, смотрит на него.

Федотов. Допустим, что вам предстоят три равно приятных визита. Как бы установили, куда раньше итти?

Вилли *(не задумываясь)*. По алфавиту... С конца.

Федотов. Что ж, это разумно. Из вас выйдет дельный коммерсант, Вилли.

Вилли. Ну, если даже вы это говорите... *(поднимается)*. Больше я вам не нужен?

Федотов *(улыбается)*. До свидания, Вилли. Вилли, дойдя до двери, останавливается.

Вилли. Однако я бы не хотел быть вашим конкурентом. Даже меня вы вогнали в пот.

Оба смеются, Вилли выходит.

Федотов сидит в кресле. Лицо неподвижно. Глубокая морщина на лбу. Он медленно вынимает из спичечной коробки узкую полоску бумаги. На полоске три фамилии и адреса:

«Бережной — Киевский шлях, 29.

Лещук — Слободка, 16.

Астахов — Житомирская, 18».

Федотов медленно раскуривает трубку, поджигает бумажку, дает ей догореть, растирает пепел между пальцами и медленно поднимается.

Ночь в Виннице. Тяжелые шаги патрулей. Луна. По глухой окраинной улице пролетает маленький «Оппель», притормаживает у ветхой хатенки. Из машины выскакивает немецкий офицер.

Высокий, черноволосый, медлительный Лещук стоит в дверях перед Федотовым.

Федотов. Имя?

Лещук. Григорий Лещук.

Федотов. Одеваться.... Скорей...

Лещук *(немного растерян)*. Зачем одеваться?

Федотов. Вопросы задаю я!

Машина Федотова быстро несется по улицам Винницы. Мелькают приземистые хатки окраины. Тихая луна. Шелест шин по гравию дороги.

Шоссе. За рулем сосредоточенный и спокойный Федотов. Рядом усатый Лещук, тревожно посматривающий на офицера.

Машина летит по шоссе. Скошенные деревья. Переплеты шоссейного моста. Федотов как бы невзначай смотрит на Лещука, тот спокоен и безучастен.

Проселок. Развилка дорог. Шоссе уходит в сторону.

Федотов бросает машину по проселку. Машина прыгает на ухабах дороги.

Едут.

Молчат.

Приближается выжженная, пустая деревня. Луна. Безмолвные развалины. Машина останавливается. Федотов легко выскакивает, жестом приказывает выйти Лещуку. Тот медленно, неловко выходит. Руки его стянуты веревкой.

Федотов осматривает пленника, закуривает трубку, расставив ноги, садится на песок.

Федотов. Имя... Быстро!

Лещук. Григорий Лещук.

Федотов. Украинец, русский?

Лещук. В этом случае все равно.

Федотов спокойно сидит, курит. Он сознательно затягивает время, нервирует Лещука, которого ему нужно довести до предельного градуса недоумения, страха, растерянности. Но Лещук стоит неподвижно и спокойно.

Федотов. Большевик?

Лещук. Нет. Беспартийный...

Федотов. Врешь! Будешь говорить правду?

Лещук. Чего вы хотите от меня, господин офицер?

Федотов. Вопросы задаю я. Жена, дети есть?

Лещук. Есть. Мальчик и девочка... Жена убита на базаре...

Федотов. Так вот, Григорий Лещук. Мы очень аккуратные люди. Дашь нужные сведения, будешь признан полезным украинцем. Не дашь,— дети станут сиротками. Дети легко умирают от голода. Ты это знаешь?

Лещук *(угрюмо)*. Знаю, господин офицер.

Федотов. Не понимаю, почему ты торопишься умереть? *(Кричит.)* Отвечать!

Лещук. Вы ошиблись, господин офицер... Я агроном, политикой не интересуюсь, больше зерном.

Федотов *(яростно)*. Говори! Я хочу знать фамилии, адреса, кто руководитель... Все, что ты знаешь! *(Спокойно.)* Тогда ты будешь свободен... И у тебя будут деньги...

Лещук *(злобно, спокойно)*. Хотите меня убить. Убивайте! У вас револьвер, а у меня руки связаны. Кончайте эту канитель.

Федотов *(имитируя обычную немецкую истерику, наступает на Лещука)*. Не знаешь? Не знаешь? *(С размаху ударяет Лещука,— тот падает)*. Встать!

Лещук *(с трудом поднимается)*. Только немец может бить человека, у которого связаны руки!

Федотов смотрит на Лещука с напряженным вниманием, точно прощупывая каждое его слово, оценивает, решает.

Федотов. Хорошо. Стань спиной! Ну, быстро... *(обходит Лещука и становится за его спиной)*. Можешь сделать десять шагов... Это твое время, чтобы одуматься... Десятый шаг будет последний. Марш!

Лещук. Ничего не знаю.

Федотов. Марш!

Лещук делает шаг вперед. Он делает это спокойно, как будто примирившись со своей участью.

Федотов. Раз... *(он продолжает отсчитывать каждый шаг Лещука)*... два... три... четыре... пять... шесть...

Лещук инстинктивно останавливается. На лице Федотова боль. Он подается вперед.

Федотов. Говори!

Вместо ответа Лещук шагает вперед.

Федотов. ...семь... восемь... девять...

И Лещук делает последний шаг. Только теперь видно его лицо.

В ритме счета он инстинктивно закрывает глаза — сейчас последует выстрел. Но выстрела нет. Лещук шатается от напряжения.

Пауза.

Где-то невдалеке фыркают моторы грузовиков. Приближаются.

Длится пауза. Лицо Лещука.

И вдруг — шум мотора, на этот раз рядом. Лещук оборачивается. Никого.

Лещук делает несколько шагов, шатается, опускается на землю.

Машина с огромной скоростью выезжает на шоссе.

Федотов. Трубка закушена в зубах.

Федотов *(сквозь зубы, очень печально)*. Прости меня, товарищ. Но иначе я не мог... Никак... Где-то бродит провокатор... А мне нужна связь... Нужна!..

Сапожная мастерская в полуподвале. Груда старой обуви. Сидит Бережной — кожаный реме-

шок вокруг лба, во рту шпилька, в руках старый сапог. Перед ним женщина с детскими ботинками в руках.

Женщина. Хоть как-нибудь... Ребенка выпустить не в чем...

Бережной *(небрежно)*. Рванина.

Женщина. Как-нибудь. Я не обижусь...

Он слушает, продолжает работать. Звякает дверной колокольчик. Бережной поднимает глаза. Входит Лещук с разбитым лицом, усталый, запыленный.

Женщина *(медлит)*. Так не возьмете?

Бережной молчит. Женщина тихо выходит. Звякает дверной колокольчик.

Бережной *(укоризненно качает головой)*. Неосторожно... В таком виде?

Лещук. Спешил очень. Думал, тебя уже не увижу. Ночью меня взяли при очень странных обстоятельствах...

Настороженное лицо Бережного.

Уединенная дача. Соломенная мебель. За шатким столом напряженный, внимательный Вилли Поммер. Перед ним Бережной.

Вилли. Так. Что еще? Как он выглядит?

Бережной. Средних лет. Говорит, что лица не заметил. По описанию, в форме виртшафт-офицера.

Вилли. Виртшафтофицера? Странно...

Бережной. Если разрешите заметить, господин гауптштурмфюрер, тут все странно. Допрос за городом, ночью... И почему он внезапно скрылся, оставив арестованного?!

Вилли. Может быть, Лещук не все сказал? Все-таки прощупайте еще раз...

Сумерки. Тусклый свет падает на деревянную лестницу. Обитая рогожей дверь. Поднимается Федотов в сером костюме, в шляпе. Стучит три раза, с длинными промежутками. Дверь открывается. На пороге Лещук, старается разглядеть в полутьме лицо Федотова.

Федотов *(тихо)*. Может быть, пройдем?

Лещук *(не шевелясь)*. Чем могу быть полезен?

Федотов. Не дурите.

Он отстраняет Лещука, проходит в комнату агронома.

Лещук смотрит на Федотова исподлобья, пристально, спокойно.

Федотов. Узнаете меня?

Лещук *(хмуро)*. Нет, как будто. Хотя голос знаком...

Федотов. Что ж, обойдемся без этого. У вас продается славянский шкаф?

Лещук *(хмуро)*. Ошиблись, господин. Мебелью не торгую...

Федотов *(улыбается)*. Очень хорошо. Спрошу еще раз: у вас продается славянский шкаф?

Лещук *(медленно улыбается)*. Шкаф уже продан. Могу предложить никелированную кровать.

Федотов. С тумбочкой?

Лещук *(глубоко вздыхает)*. Наконец-то... Я думал уже, что про нас забыли.

Федотов. Дорогой товарищ, когда-нибудь, когда встретимся, я вам многое расскажу. Теперь ничему не удивляйтесь и не задавайте вопросов. Кому вы рассказали о вашем ночном приключении?

Лещук *(отступает, узнав)*. Вы?! Откуда вы знаете? *(Спохватившись.)* Так... Вопросов не задаю... Бережному и... Астахову.

Федотов. Опять ребус... Что вы знаете об этих людях?

Лещук. Не понимаю, какой ребус?

Федотов. Что вы знаете о них?

Лещук. Настоящие люди!

Федотов. Тише... Забудьте о личных отношениях. Ответьте по возможности ясно: давно ли их знаете, на каком деле вместе были?

Лещук. Я ручаюсь за них, как за самого себя!

Федотов *(мягко)*. Не нужно этого делать. Один из них — провокатор.

Лещук. Что?! Чтобы русские командиры, бежавшие из лагеря смерти....

Федотов *(жестко перебивает)*. Так, так. Узнаю знакомый почерк.

Лещук. Почему вы не верите мне?

Федотов. Вам верю!

Лещук *(смотрит на Федотова)*. Да? Не понимаю...

Федотов. Когда-нибудь поймете и... простите. У меня не было другого выхода. Теперь вот что. Любой ценой мне нужно установить связь с Хомутовским партизанским отрядом. Знаете такой?

Лещук. Знаю. В лесах, юго-западнее Винницы, 150 километров.

Федотов. Нужно по их рации передать в Москву Иванову, что мне нужна постоянная связь. И что интересующий Москву генерал скоро прибудет в «логово». Одновременно передайте командиру отряда, чтобы начали готовить посадочную площадку для «Дугласа». Запомните?

Лещук. Запомню.

Федотов. Проберетесь? Это, кажется, далеко.

Лещук. Проберусь.

Федотов. Верю. Бережному и Астахову обо мне ничего не говорите. Я у вас не был. Об этом поручении тоже ни слова.

Лещук. Уходить сегодня?

Федотов. Когда хотите, но скоро. Хотя, чем меньше риска, тем лучше.

Лещук. Уйду завтра...

Федотов *(внезапно обнимает Лещука и сейчас же отступает).* Я рад встрече с вами. Вы настоящий человек. Мы еще увидимся.

И раньше, чем Лещук успевает опомниться, Федотов исчезает.

Руммельсбург расхаживает по кабинету со своей обычной небрежной элегантностью. Фон дер Бах в кресле, но не позволяет себе принять свободную позу.

Фон дер Бах. Вы предполагаете, что это был русский агент?

Руммельсбург. Уверен. Более того, уверен, что это крупная птица. Он догадался надеть мундир виртшафтофицера. Чтобы запутать... Менее остроумный агент надел бы мундир СС.

Фон дер Бах. Во мне все же живут некоторые сомнения.

Руммельсбург *(небрежно).* Вы расстанетесь с ними, когда я продемонстрирую вам этого человека.

Фон дер Бах *(живо).* Вы приблизились к нему?

Руммельсбург. Зачем? Он приблизится ко мне. Как вы думаете, почему он провел

этот рискованный эксперимент с арестом подпольщика?

Фон дер Бах. Можно предположить — он догадался, что вы оставили на свободе часть этих бандитов, и проверяет их. Ищет, на кого опереться.

Руммельсбург. Истина рядом. Моя идея заключалась именно в том, чтобы образовать вокруг него пустоту и заставить его искать. Он не только ищет помощников, он мучительно добивается связи. Пойманный парашютист, несомненно, шел на связь с ним, но не дошел. Он вынужден продолжать поиски. А продолжая, он придет ко мне.

Фон дер Бах. Он нашел связь?

Руммельсбург. К счастью, да! *(Фон дер Бах удивлен.)* Ему кажется победой то, что является решающим поражением. Сейчас я позволю себе при вас закончить эту операцию. *(Звонит, входит Вилли.)* Запишите: отпечатать объявление комендатуры и хронику для русской газеты. Текст *(диктует):* «От комендатуры города Винницы. Выброшенный с самолета в районе Винницы в ночь на десятое русский парашютист задержан и расстрелян. Напоминаю: население обязано уведомлять полицию обо всех подозрительных лицах, появляющихся в городе. Виновных в недонесении буду карать как сообщников, со всей строгостью германских военных законов»... Записали?.. Те-

перь хроника! «Вчера ночью в своей квартире зверски убит четырьмя ударами ножа агроном Лещук. Подлое убийство совершено большевистскими бандитами из мести Лещуку, настоящему украинцу, искренне сотрудничавшему с германскими властями». Все!

Вилли *(деловито)*. Хроника выйдет завтра утром, экцеленц. Кому прикажете поручить реализацию хроники о Лещуке?

Руммельсбург. Бережному. *(Отпускает Вилли кивком головы.)*

Фон дер Бах. Я все-таки не понимаю...

Руммельсбург. В конце концов он придет к человеку, которому, со слов Лещука, может доверять. Он придет к моему человеку.

Фон дер Бах *(вопросительный взгляд)*. Да?!

Руммельсбург. Он придет к Бережному!

Федотов идет к Бережному.

Улица городской окраины. Хаты с палисадниками. Сумерки. Оседает пыль, поднятая проехавшей телегой. Федотов в сером костюме, в шляпе идет посредине немощенной улицы, взглядом отыскивая нужный ему дом. Зажигаются робкие огоньки. Боязливые хозяева закрывают ставни. Пустынная улица становится замкнутой.

Двухэтажный кирпичный дом. На углу вывеска — большой сапог. Теплится огонек коптилки в полуподвале. Федотов идет прямо на огонек.

Чернеет вывеска в пыльном вечернем воздухе. Теплится огонек в мастерской сапожника.

Федотов приближается к дому.

Тень склоненного за работой сапожника на белой стене полуподвала. Спина человека в сером костюме закрывает вывеску. Звякает дверной колокольчик.

Бережной поднимает голову, видит ноги спускающегося в полуподвал человека.

Бережной. Мастерская закрыта.

Федотов *(всматривается)*. У вас продается славянский шкаф?

Бережной *(вздрогнул, шопотом)*. Шкаф продан... Есть никелированная кровать...

Федотов. С тумбочкой?

Бережной быстро отходит к окну, закрывает внутренние ставни, возясь с болтами, старается овладеть собой, у него дрожат руки.

Бережной. Говорите тише... За стеной соседи... После провала организации я и собственной тени опасаюсь.

Федотов. Как провалилась организация? Покороче, побыстрее, только факты.

Бережной. Кто-то предал. К счастью трое были на отлете.

Федотов. Что можете сказать об остальных?

Бережной. Абсолютно верные люди. За одного ручаюсь головой. Были вместе в лагере. Бе-

жали вместе... железный человек, лучшего друга себе не желаю. Второго знаю меньше, но тоже много раз проверен. Недавно был на допросе — ничего не сказал, хотя был на волосок...

Федотов *(нагибается к нему)*. Он убит.

Бережной. Что? Кем?

Федотов. Разве это еще не известно?

Бережной *(проводит рукой по лбу)*. Он был верный товарищ.

Федотов *(медленно)*. Это еще не известно.

Бережной смотрит на него. Федотов выдерживает паузу. Бережной не решается задавать вопросы.

Федотов. Я сегодня ухожу. Есть документы... Нужно передать.

Бережной *(хрипло, у него пересохло в горле)*. Кому?

Федотов *(неторопливо)*. Хозяину. Руководителю из центра.

Бережной. Он здесь?

Федотов. Да. *(Пауза.)* Теперь на связи будете вы.

Бережной. Сделаю все, что в человеческих силах.

Федотов. Завтра, перед закрытием почтамта, около пяти, у окошка продажи марок небольшой человек в галстуке ленточкой, с парусиновым портфелем, хромой будет покупать марки. Станете за ним. Если обернется и скажет:

«разменяйте десять карбованцев»— передайте вот это... *(отдает пакет)*. Если не спросит, тихо уйдите. Значит, не нашел нужным. Вопросов не задавайте... Надеюсь, предупреждать излишне?

Бережной. Все понимаю. Господи... Значит, мы мучились, а вы здесь же?

Федотов. Так было нужно. Запомните... Я сегодня ухожу. Дальнейшая связь на вас.

Бережной. Хорошо.

Федотов. Есть второй выход?

Бережной *(прячет пакет на груди)*. Сейчас... выйду, осмотрюсь...

Он выходит из мастерской вторым ходом. Федотов один в мастерской, раздумывает. Бережной возвращается.

Бережной. Тихо... Иди...

Он остается один. Запирает дверь. Оглядывается. Вынимает переданный ему пакет, жадно читает:

> «Руммельсбург живет на Киевской, 15, в особняке, охрана обычная, ездит в машине «Мерседес» № 267—596. Маршруты: первый — Львовское шоссе, второй — выезд на Кузнечную, затем — Киевское шоссе, дорога в запретную зону, третий...»

Бережной *(прячет конверт в карман)*. Значит, завтра около пяти... на почтамте... хромой, в галстуке ленточкой... Это добре! Это стоит!

Часы бьют пять.

В полутемном почтамте, прислонясь к шаткой конторке, Бережной пишет письмо. Каждый скрип двери заставляет его поднимать голову, всматриваться.

Наконец, прихрамывая, входит небольшой человек в галстуке ленточкой, с парусиновым портфелем.

Медведев становится перед окошком для продажи марок.

Перед ним три-четыре человека, сзади него оказывается Бережной.

Медведев спокоен и безмятежен.

Бережной взволнованно ждет. Очередь доходит до Медведева. Произведя нужную почтовую операцию, Медведев закрывает парусиновый портфель и, даже не заметив Бережного, направляется к выходу. Вдруг останавливается, подходит к Бережному.

Медведев. Огонька не найдется?

Бережной кивает.

Медведев старательно скручивает папиросу и, прикурив у Бережного, выходит. Лоб Бережного покрыт каплями пота.

Косые лучи вечернего солнца. Федотов ходит по комнате, поглядывает на дверь, прислушивается. Приоткрытая дверь. Медведев старательно стучит на машинке.

Федотов закуривает трубку, задумывается.

Голос Федотова. Ну что ж? Этого прохвоста не взяли? Значит, ошибся... Значит, Бережной не предатель... Значит, предатель Астахов?! Астахов, а не Бережной. Подумай... Подумай... Значит, можно опереться на Бережного? Подумай!

Он садится, задумчиво рассматривает налитое в стакан вино.

Офицерское казино «Веселая Луиза». Клубы дыма под потолком. Возбужденные голоса. Пивная пена. Музыка. Женский визг. Круглая эстрада в центре. Изгибается женщина в черной испанской шляпе. Кружевной веер. Песня — смесь немецко-испанских страстей.

Федотов и Вилли у самой эстрады. Веселье в разгаре. Певица наклоняется с эстрады к Федотову. Федотов протягивает ей бокал. Она берет, отвечает воздушным поцелуем. Вилли рассеян и трезв.

Федотов. Что с вами, Вилли? Вы встревожены? Надеюсь, никаких неприятностей?

Вилли *(пожимает плечами, смеется)*. Вы тренируете свою наблюдательность, Эккерт? Может быть, хотите служить у нас?

Федотов. С удовольствием, но вряд ли из меня будет толк!

Вилли. Вы правы, мой друг. Разведчиком нужно родиться.

Федотов *(хвастливо, обиженно)*. Мой отец говорил то же самое про коммерсантов. Тоже нужен талант...

Вилли. У нас особый талант. Нужно особое чутье, особые глаза, злость...

Федотов. И нужно очень любить свою родину.

Вилли *(отмахивается)*. Сентиментальность.... Еще одна причина, из-за которой вы не будете разведчиком... У нас чувствительность не популярна. Вы, Эккерт, добрый немец, но штатский немец. Враг может сидеть рядом с вами и вы будете любезно предлагать ему выпить.

Федотов. Кстати, не хотите ли? *(Подвигает бутылку.)* Вы все-таки чем-то взволнованы.

Вилли. Немножко... У нас невыносимая суета.

Федотов *(невинно)*. Что-нибудь серьезное?

Вилли. Это уже и не секрет — с фронта приехал Кюн.

Федотов. Почему же суета?

Вилли. Кюн!.. Вы понимаете, что это значит? Кюн!.. Мы-то его знаем... Веселый обжора, но умен и хитер...

Федотов. Очень хочу на него поглядеть...

Подходит офицер в мундире СС, наклоняется к

уху Вилли, шепчет. Федотов спокойно продолжает флирт с певицей.

Вилли *(искоса поглядывая на Федотова)*. Неприятная новость.

Федотов. Да?

Вилли *(вполголоса)*. Ваш человек... Этот Медведев... *(Пауза.)* Словом, его только что взяли.

Федотов. Как? Человек, которого вы мне рекомендовали?

Вилли *(быстро)*. Забудьте об этом. Это была услуга, о которой не надо вспоминать. Наша служба не дает рекомендаций...

Федотов *(добродушно)*. Хорошо, хорошо. Забудем... *(наивно)*. Он был очень старательный служащий...

Певица оканчивает номер. Перед уходом с эстрады она бросает розу Федотову. Федотов провожает ее глазами.

Федотов *(Вилли)*. Закажите шампанского. Я сейчас вернусь.

Федотов выходит на улицу, находит среди стоящих у тротуара машин свой «Оппель». Рычанье мотора. Машина прыгает, скрывается в темноте.

Маленький «Оппель» с погашенными фарами летит по улицам Винницы. Поворот. Второй. Третий. Автомобиль останавливается на углу. Федо-

тов выскакивает, оглядывается, сворачивает на боковую улицу,— он идет обычным, размеренным, неторопливым шагом.

Бережной сидит на топчане, подобрав босые ноги. Перед ним освещенные мигающей коптилкой листки. Он словно любуется ими. Тихий троекратный стук.

Бережной вздрагивает — бумаги падают на пол. Он лихорадочно быстро подбирает их, сует в конфорку печки и бесшумно, на носках бежит к двери, ведущей во двор. Приоткрывает узкую щелку.

Бережной *(отступает)*. Ты?

Федотов *(быстро закрывает дверь)*. Не ждали?

Бережной *(с трудом оправился)*. В этой форме? Ты ведь ушел?

Федотов. Времени в обрез. Не задавай лишних вопросов. Нужно передать срочные сведения. Немедленно. Отправишься сейчас же...

Бережной *(отступает)*. Дай опомниться... В этой форме? Ходишь по городу в этой форме? И давно?

Федотов. Давно... Но это не относится к делу. *(Повелительно.)* Одевайся!

Бережной *(торопливо натягивает сапоги)*. Что нужно? Все сделаю.

Федотов. Нужно связаться с партизанами.

По дороге дам точные указания. Выходить надо немедленно.

Бережной. Как немедленно? Немедленно нельзя. Это же обмозговать надо...

Федотов. Обмозговано. Повторяю — времени нет. Операция подходит к концу. Человек, необходимый командованию, разведан. Надо срочно сообщить Москве... Нужен самолет. Нужны люди.

Бережной *(медленно)*. Сразу не пойду. Не могу.

Федотов *(резко)*. Слова «не могу» нет. Тебе доверяют. Ты обязан выполнять приказ.

Бережной. Чей приказ?

Федотов. Мой!

Бережной. Значит, ты и есть хозяин?

Федотов. Да!

Бережной. А... тот?

Федотов. Не задавай лишних вопросов. Давай быстрей. Я сам тебя вывезу за город.

Бережной. Ладно... *(задумчиво)*. Вот это да...

Он нахлобучивает блинообразную кепку, оглядывается, задувает огонек.

Они быстро идут по пустой улице. Бережной впереди. Федотов сзади. Стоит «Оппель». Федотов садится. Бережной за ним.

«Оппель» мчится по улицам.

Окраина.

Шоссе.

Бережной. Где встретимся-то?

Федотов. В будущий четверг. На Киевском шляхе, у рынка.

Бережной. Добре. Какие координаты отряда?

Федотов. Дам...

«Оппель» летит по шоссе.

Развилка дорог. Шоссе уходит в сторону.

Федотов бросает машину по проселку. Ухабы.

Приближается выжженная, пустая деревня. Луна. Безмолвные развалины.

Федотов тормозит. Они выходят из машины.

Бережной *(оглядывается)*. Ну и местечко! Чего мы сюда заехали?

Федотов *(ровным голосом)*. Для приведения приговора в исполнение.

Бережной стремительно поворачивается, видит дуло револьвера. Он немеет, но берет себя в руки.

Бережной. Шутки шутите, товарищ начальник.

Федотов. Шутил. Теперь не шучу...

Движение Бережного — не то броситься на Федотова, не то бежать. Он видит, что холодная улыбка шевелит губы Федотова, и сразу обвисает, как пустой мешок.

Федотов. За священную кровь преданных тобой людей, правом и властью, данными мне родиной, приговариваю к смерти предателя.

Бережной валится на колени.

У входа в казино усиленная охрана. В казино Руммельсбург и Кюн. Казино выглядит чинным. Испанскую танцовщицу на эстраде сменила белокурая «Гретхен», с длинными накладными косами. Она поет сентиментальную немецкую песенку, сложив под грудью короткие руки, и, взмахивая ресницами, кокетничает с сидящими за генеральским столом.

Руммельсбург и Кюн сидят отдельно. Кюн навеселе: таращит глаза, откровенно разглядывает певицу, стучит по столу кулаком, хохочет.

Кюн *(пьян)*. Почему здесь так тихо? И это офицеры германской армии? Девицы из монастырского пансиона! Что?

Руммельсбург. Я молчу.

Кюн. Кислая кровь! Где молодость? Где моя молодость, Руммельсбург? Я хотел бы вернуть времена, когда я был веселым фенрихом... Тогда никто не имел права встать из-за стола, не побывав под ним. Тогда любили крепкое вино и толстозадых баб. А что здесь? А что там, на фронте?

Руммельсбург. Кюн!.. Кюн!..

Кюн. Знаю. Не бойтесь. О чем я сейчас говорил?

Руммельсбург *(очень тихо)*. Кюн... Вы остаетесь самим собой... Как мне нужно, чтобы вы стали осторожны. Вы говорите что попало, с кем попало, держите дома важнейшие документы...

Кюн. Вы их у меня отобрали! Чего вы хотите?

Руммельсбург. Только внимания к моим словам.

Кюн. Буду осторожнее, клянусь вам... Только сейчас оставьте меня в покое. Что у вас течет в жилах, Руммельсбург? Желчь пополам с уксусом? Все ваши офицеры похожи на вас... *(Неожиданно)*. Гауптштурмфюрер!

Вилли, все время бывший начеку, подскакивает.

Кюн. Вы были веселым человеком... *(Презрительно отмахивается.)* Нет, вы мне не подходите. Неужели здесь нет ни одного веселого человека?

Вилли обводит глазами зал, вдруг прищуривается.

Вилли. Разрешите, экцеленц, представить вам истинно веселого человека?

По залу, между столиками, лавирует улыбающийся Федотов.

Кюн *(с грохотом опускает кулак на стол)*. Давайте его сюда!

Вилли *(зовет)*. Капитан Эккерт! *(Кюну.)* Разрешите, экцеленц? Капитан Эккерт!

Кюн. Сюда, капитан. У вас настоящее веселое лицо, а не эта кислятина. Берите стакан!

Федотов, отсалютовав, берет бокал.

Кюн. Произнесите мужской тост.

Федотов. С вашего разрешения, экцеленц... *(Поднимает бокал.)* За нашу победу!

Кюн *(поднимается)*. Начнем с этого... Встать!

Офицеры поднимаются. Пьют. Становится веселее.

Руммельсбург *(осторожно)*. Не забудьте... Вам предстоит очень важное свидание, Кюн! Это может быть завтра.

Кюн отмахивается.

Федотов. Перед тем, как опубликовать следующий тост, я должен попросить конфиденциальное разрешение.

Он наклоняется к генералам. Шепчет. Кюн хохочет. Даже Руммельсбург улыбается.

Маленький «Оппель» мчится по шоссе, фары погашены. Ночь.

Неподвижные руки Федотова на руле. Рядом с Федотовым — Астахов.

Шоссейный мост.

Развилка дорог.

Поселок. Выгоревшая деревня.

Лесная дорога. Машина тормозит.

Федотов выходит, ждет Астахова. Тот медленно подходит. Пауза.

Федотов. Ну, что же, товарищ Астахов?

Астахов. Что же, товарищ начальник?

Федотов. Все запомнил?

Астахов. Все.

Федотов. Самолет нужен немедленно. Три сотрудника... Одного в мундире полка «Великая Германия», слесарь, шофер.

Астахов. Все помню.

Федотов. Руку...

«Оппель» летит по шоссе.

Ночное небо. «Дуглас» пробивает облака.

Штурман определяется по карте. Поднимает руку. Пилот идет на снижение.

Внизу, в кромешной тьме, причудливо расположенные огоньки.

Рев моторов внезапно стихает.

Машина бесшумно скользит вниз. Огоньки приближаются.

Серый «Мерседес», опознавательный знак—белый заяц.

Летит по шоссе.

Кюн, чинный, подтянутый, откинувшийся на заднем сидении.

Машина пролетает мимо плаката: «Стой! Военный объект. Гражданским лицам передвигаться запрещено».

Синяя лампа над плакатом: «Сходить с дороги запрещено. Минировано».

Пост — проверка. Мундиры СС. Погоны офицера закрыты клапанами.

Машина мчится дальше.

Пост — проверка.

Машина въезжает на территорию «Вольфшанце»—«волчьего логова». Низкие, врытые в землю бункера. Затемненные лампы. У бункеров охрана — форма «Великая Германия».

Машина тормозит. Выходит Кюн. Подтянутый, официальный.

Комната в бункере. Окон нет. Стены отделаны деревом. Жесткие стулья. Подчеркнуто спартанская обстановка. У дверей три блондина, рост сто семьдесят — личная охрана. У стола адъютант.

Входит Кюн. Адъютант молча выходит. Позвякивание шпор. Кюн ждет. Неподвижные охранники у дверей.

Комната без окон. За пустым столом, в глубине склоненный человек.

Входит Кюн. Останавливается. Бесшумно закрывается дверь. Человек за столом поднимает голову. Прядь волос нарочито небрежно уложена на низком лбу. Широкие скулы. Плоский нос. Пристальный взгляд маленьких глаз. Хриплый голос.

Гитлер. Ваше мнение о генерале фон Зехте, Кюн... Без прикрас. Правду.

К ю н. Генерал фон Зехт не понимает, что военная прогулка кончилась и началась война. Сопротивление русских застало его врасплох. Он теряет голову и отдает противоречивые приказания. Он выдвинул вперед резервы И это великое счастье, что русские не знают до сих пор, что оперативные возможности фон Зехта исчерпаны. Я полагаю, что он не подходит для поста командующего группой армий...

Унтер-офицер полка «Великая Германия» стоит у дверей кабинета.

Коридор и круглый холл.

Над лестницей, под потолком, рабочий «Верк динст» (на рукаве у него повязка «Верк динст» и по-русски — «Служба труда») возится с проводкой.

Унтер-офицер стоит неподвижно, как статуя. Проходит офицер внутренней охраны. Унтер козыряет ему. Коридор снова пустеет.

У н т е р - о ф и ц е р *(негромко)*. Спускайтесь! Живее!

Рабочий спускается. Вразвалку идет по коридору. Приближается к унтеру. Мы видим — это Федотов. Они проходят в кабинет. Дверь за ними затворяется.

Ф е д о т о в *(повелительно)*. Приступай!

Луч карманного фонаря скользит по комнате, останавливается на висящем над столом портрете

Гитлера с надписью: «Верному солдату Империи — генералу Кюну». И факсимиле.

Луч скользит дальше, останавливается на закрытом портьерой сейфе.

В комнате Федотов и унтер-офицер. Федотов отдергивает портьеру. Унтер-офицер начинает бесшумно работать.

Сейф открывается.

Он пуст.

Федотов лихорадочно быстро открывает один за другим ящики сейфа.

В первый раз — растерянное лицо Федотова.

Секундная пауза.

За дверью шаги. Они приближаются.

Ф е д о т о в. Скорее. Закрывай...

Унтер-офицер работает лихорадочно быстро.

Шаги ближе.

Шаги совсем рядом.

Федотов и унтер-офицер вынуждены бросить работу.

Гаснет фонарик.

Луч света из открытой двери.

Луч света падает на открытый сейф.

В дверях силуэт человека.

В голосе Руммельсбурга и ярость и облегчение. Он обращается к сидящему в кресле фон дер Баху.

Р у м м е л ь с б у р г. Наконец-то! Теперь мо-

гу вам сознаться. Меня очень тревожила эта неопределенность.

Фон дер Бах. Что вы называете неопределенностью?

Руммельсбург. Человек. Остальное выясняется рано или поздно. Но разгадка всегда в человеке.

Фон дер Бах *(с легкой иронией)*. Мне не всегда удается проследить за вашей мыслью. Если не ошибаюсь, человек еще не взят?

Руммельсбург. Вы действительно меня не поняли. Мне нужно знать человека или его цель. Иногда важнее узнать цель. И до этого я наконец, добрался. Открытый сейф Кюна — вот куда он стремился.

Фон дер Бах. Конечно, конечно. Но на вашем месте я все же предпочел бы человека.

Руммельсбург *(презрительно)*. В надежде, что он разговорится? В контрразведке презрение к противнику опасно, генерал. Оставьте крайности рейхсминистру пропаганды.

Фон дер Бах *(язвительно)*. Этот бандит успел внушить вам уважение к себе?

Руммельсбург *(смеется)*. Да... он смелый человек. Он направил удар на Кюна и бросил на стол последнюю ставку. Он справедливо рассчитывал на неосторожность генерала. Но он не подумал обо мне. Нет. Уважение мое не чрезмерно. Он обнаружил свою цель. Он провалился...

Фон дер Бах. Но человек еще на свободе?

Руммельсбург. Я не знаю, откуда он начал, но теперь знаю его ход и его цель. Он кончил Кюном. Я начну с Кюна и доберусь до него.

Фон дер Бах *(язвительно)*. Ему не понравилась бы ваша улыбка, дорогой генерал, если бы он мог ее увидеть...

Руммельсбург. Он ее увидит! *(Звонит, входит Вилли.)* Соедините меня с генералом Кюном, когда он вернется из «Зоны».

Фон дер Бах поднимается.

Контора «Виртшафтлихе Централе ин Остен». Глубокая ночь.

Далекие гудки паровозов. Окна занавешены. В комнате Федотова горит настольная лампа. Дверь в соседнюю отворена. Там темно. Тлеют пять огоньков. Люди, которые там сидят и курят, молчат.

Федотов сидит у стола, верхняя часть лица в тени, методически, одну за другой, ломает вынутые из коробки сигары. В самой размеренности движений, в бессмысленности методического жеста глубокое отчаяние. В первый раз мы видим у Федотова такое лицо. Ни ясного, мальчишеского выражения, которое было, когда он глядел на Нину или думал о ней, ни подтянутого, пристального, все вбирающего внимания, с которым он получал задание у начальника. И это не сухое, без-

жалостно жадное, слегка ироническое лицо коммерсанта Эккерта, и не лицо Эккерта — беспечного кутилы, посетителя ночных баров, «души общества», пошляка и любимца ресторанных дам, и не почтительно-циничное лицо увеселителя генералов и рассказчика солдатских анекдотов. Но это и не лицо Федотова в момент проведения рискованной операции — обостренное, с сжатыми губами, прищуренное, освещенное расчетливым азартом. Сейчас это лицо человека, воля которого на мгновение сдала, как отпущенная с колка струна.

За спиной Федотова огромный радиоприемник, включенный для конспирации, орет с удручающей мажорностью:

«...Под сокрушительными ударами армии фюрера...»

Федотов подходит к дверям темной комнаты. Тлеют огоньки папирос. Он прислоняется к косяку двери.

Голос из темноты. Что поделаешь, хозяин! В другой раз!..

Федотов *(с безжалостным отчаянием)*. Другого раза не будет. Разведчик, обнаруживший себя, еще не все потерял. Разведчик, обнаруживший свою цель — провалил операцию... Я провалил операцию. *(Молчание.)* Доклады Кюна, которые так нужны командованию, доклады, которые в эту минуту должны были находиться на

пути в центр,— погибли для меня... Руммельсбургу известно, что я охочусь за Кюном, и завтра к генералу Кюну сможет пробраться разве только мышь... Да, завтра...

Он резко поворачивается и начинает ходить по комнате из угла в угол. Стул попадается на дороге, он отшвыривает его ударом ноги.

В соседней комнате сближаются огоньки папирос.

1-й голос *(шопотом)*. Рассердился...

2-й голос *(с удовлетворением)*. Так-то лучше...

Федотов шагает по комнате. Шаги становятся легче. Он поднимает руки, приглаживает волосы. Черты лица обостряются, глаза щурятся, губы сжимаются.

Радио: «Ноги германских солдат уверенно попирают развалины волжских твердынь...»

Федотов останавливается у косяка.

Федотов. Кто знает, где гараж штабных машин?

В темной комнате поднимается сотрудник, подходит и становится так, что полоса света падает на черный мундир охранных отрядов.

Сотрудник. Я знаю.

Федотов. Какими путями возвращаются машины, знаете?

Сотрудник. Знаю, начальник.

Федотов. Ладно...

Голос *(из темноты)*. Добудем, значит, документы?

Федотов *(резко)*. Нет! Документы добыть невозможно.

Отходит к столу, гасит настольную лампу.

Обе комнаты погружаются в темноту.

Подъезд дома Кюна. Усиленная охрана. Входит Федотов. Шарфюрер СС козыряет.

Федотов поднимается по лестнице. На площадке два человека охраны козыряют ему.

Федотов проходит коридором. У двери дежурит охрана.

Приемная. Сонный адъютант.

Федотов. Капитан Эккерт. По поручению группенфюрера фон Руммельсбурга. Срочное дело к генералу фон Кюну.

Адъютант удивленно пожимает плечами, бормоча выходит.

Кюн встречает Федотова на пороге. Шелковый стеганый халат драпирует круглый живот.

Кюн *(благодушно)*. Надо полагать, вы не спроста явились так рано, капитан? Виртшафт-офицерам не полагается беспокоить генералов... *(хохочет)*. Но вы веселый человек. Я вас приму...

Федотов *(почтительно)*. Я осмелился, генерал, потому что мое дело относится непосредственно к вам.

Кюн *(удивлен)*. Ну, что ж!..

Пропускает Федотова в кабинет. Дверь закрывается.

Федотов. Где ваша шинель, генерал?

Кюн. Что? *(Поражен.)* Каким тоном вы говорите, капитан? Какая шинель? Вы сошли с ума?

Федотов *(спокойно)*. Я не капитан, генерал, я майор...

Кюн *(орет)*. Шутки?.. Для шуток есть свое время!

Федотов. Тише.

Кюн видит револьвер в руке Федотова. Ему кажется, что он бредит. Звонок телефона. Федотов спокойно берет трубку. Кюн дергается — револьвер упирается ему в живот.

Федотов *(почтительно)*. Адъютант генерал-лейтенанта фон Кюна... Слушаю, экцеленц. Генерал еще в ванне. Слушаюсь.

Он вешает трубку. Кюн хватается за голову, опускается на стул.

Кюн *(хрипло)*. Что вам нужно?

Федотов. Мне нужен ваш доклад, генерал.

Кюн. Его нет у меня!

Федотов. Знаю. Поэтому я и пришел за ва-

ми. Будьте благоразумны. Вы уйдете вместе со мной!

Кюн. Куда?

Федотов. Туда, куда мне нужно, или на тот свет!

Кюн. Я — солдат!

Федотов. Рисковать жизнью не ваша профессия, генерал. Идемте!

Кюн. Я никуда не пойду!

Федотов. Вы пойдете! Вы слишком любите жизнь, черное пиво, толстозадых баб... Вы больше всего на свете любите самого себя... Мы выйдем вместе — или... Выбирайте!

Пауза. Лицо Федотова сближается с лицом Кюна. Поединок. И побеждает Федотов.

Кюн. Что вы со мной сделаете?

Федотов. Я гарантирую вам спокойную жизнь до конца войны. Шинель!

Он подает Кюну шинель, помогает ему ее надеть.

Федотов. Так... Минуту... *(оглядывает Кюна)*. Застегните воротник! Так! Придайте своему лицу обычное выражение! Так!

Кюн хочет возмутиться, но его воля сломлена.

Федотов. Помните, я все время за вашей спиной. Я успею выстрелить раньше, чем вы успеете крикнуть! Я буду стрелять без предупреждения!

Кюн. Что?

Федотов. Я буду стрелять без предупреждения. Впрочем, кричать не стоит: в охране мои люди. Ваш адъютант куплен мной!

Они выходят. Проходят мимо часовых, мимо адъютанта.

Кюн проходит мимо него. Злобный взгляд.

Адъютант удивлен.

Они проходят коридором.

Часовые вытягиваются.

Спускаются по лестнице. Вытягиваются часовые.

У подъезда «Мерседес». Опознавательный знак — белый заяц.

Кюн *(хрипло)*. Моя машина?

Федотов *(почтительно)*. Разумеется, ваша, генерал!

Кюн медленно идет к машине. Задерживается. Федотов стоит за ним. Кюн заносит ногу на подножку. Тонкая струйка пота выползает из-под форменной фуражки Федотова. Он вытирает лоб платком, подсаживает Кюна в машину, вскакивает за ним.

Машина отъезжает.

«Мерседес» мчится по городу.

Встречные солдаты и офицеры тянутся перед автомобилем «Вольфшанце».

В машине мрачный Кюн.

Кюн. Как вы осмелились?

Федотов. Но, ведь, я сказал — мне нужен был ваш доклад, генерал. Я не сумел его получить... Мне пришлось взять автора. *(Улыбается.)* Вы стали жертвой излишней предусмотрительности вашего друга фон Руммельсбурга. Ему не следовало брать документы из вашего сейфа...

Приемная в бункере Гитлера. Охрана. Руммельсбург и фон дер Бах ждут приема. Тишина. Руммельсбург, слегка сгорбившись, заложив руки за спину, смотрит вниз. Фон дер Бах разглядывает панели на стенах.

Входит адъютант, останавливается на пороге. Оба генерала поворачиваются к нему.

Адъютант. Прошу...

Оба идут к дверям.

Адъютант *(поднимает руку)*. Только генерал фон дер Бах!

Руммельсбург горбится еще сильнее. Набухают мешки под глазами. Он повсрачивается, идет к выходу, волоча ноги. Охрана неподвижно стоит у дверей.

Самолет в небе. Легкие облака. Под крылом освещенная заходящим солнцем Москва.

Шум мотора внезапно стихает.

Скольжение вниз.

«Дуглас» идет на посадку. В кабине рядом с Федотовым — Кюн.

Федотов легко через две ступеньки взлетает по лестнице.

Знакомая дверь. Звонок. Радостное ожидание. Второй звонок. Третий протяжный.

Федотов ждет несколько секунд. Потоптавшись у двери, нерешительно оглядываясь, спускается вниз.

Голова опущена. Идет и точно ничего не видит.

Внизу стук двери. Легкие шаги.

На полутемной лестничной площадке сталкиваются два человека.

Федотов *(безучастно)*. Простите...

И вдруг застывает.

Нина. Ты?!.. Ты!!!

И он обнимает ее.

Не видя, не соображая, она шарит рукой дверь, пытается открыть ее своим ключом.

Дверь открывается. Человек без пиджака, с длинной бородой. Нина и Федотов растерянно смотрят на него. Он спокойно, молча указывает пальцем наверх.

Обнявшись, они поднимаются по лестнице.

И вот комната Нины. Все как было. Портрет Федотова на стене.

Нина и Федотов стоят, прижавшись друг к другу. Молчат.

Нина. Родной мой... Родной мой... Ты ушел за вином. Так давно...

Федотов *(немного смущен)*. Я его принес.

Нина. Правда?

Федотов. Нет.

Нина *(улыбаясь)*. Теперь сядь здесь, и помолчим. Я очень устала. Очень устала без тебя...

Он садится на указанное ему место в углу дивана. Нина садится рядом. Крепко прижимается.

Сидят. Молчат. Тишина.

За окном неожиданно раздается длинный, протяжный гудок машины.

Федотов прислушивается. Нина, прикусив губу, напряженно смотрит на него.

Нетерпеливые гудки.

Федотов. Нет, это еще не меня. Еще нет!..

Цена 3 руб.